

18+

Юлия Ивановна

Мой путь к успеху

Часть 3

Я рядом,
ничего не
бойся!

Больничный лист

- Биохим. анализ крови
- Общий анализ мочи
- Химический кал
- Электрокардиография
- Рентген Флюорография

Юлия Шикерина

Мой путь к успеху. Часть 3

«Издательские решения»

Шикерина Ю. И.

Мой путь к успеху. Часть 3 / Ю. И. Шикерина — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Данное произведение является художественным вымыслом. Все совпадения с реальными людьми и событиями случайны. Гриша живёт в больнице с братом-инвалидом, работает на трёх работах. Его друг Адриан на грани смерти — его пересаженная почка отторгается. У Адриана умирает отец, Гриша поддерживает его. У Гриши появляется девушка Дина. В финале Гриша узнаёт, что брату нужна мучительная ботулинотерапия. Он боится, что сын возненавидит его, но выбора нет.

© Шикерина Ю. И.

© Издательские решения

Содержание

Глава 81. Будни	6
Глава 82. Адриан приехал	13
Глава 83. Илья	24
Глава 84. Признание	29
Глава 85. Наркология	32
Глава 86. Разговор нейрохирурга и Гриши	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Мой путь к успеху. Часть 3

Юлия Иванова Шикерина

© Юлия Иванова Шикерина, 2026

ISBN 978-5-0071-4408-7 (т. 3)

ISBN 978-5-0071-2026-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 81. Будни

Его голос прозвучал бодро, но в нём читалась та же усталость человека, который спал урывками. Он стоял прямо, его форма была идеально выглажена.

— Ещё раз, доброе утро!

— Доброе! Всё получилось, что вы хотели? — Администратор (или просто Аврелия) подняла глаза, её лицо просветлело.

— Да! Всё отлично! Всё получилось! Я даже не ожидал! — Гриша улыбнулся, и эта улыбка была первой за последние два дня. В его голосе прозвучало искреннее облегчение.

— Это хорошо! В вашей палате вас ждет 2 рабочей формы одежды! — Её тон стал деловитым, но заботливым. Упоминание двух форм было не просто выдачей инвентаря, а актом принятия его в штат: он больше не гость, он — часть механизма, который спасает жизни.

— Минуту! — Его мозг, заточенный на точность и правила, мгновенно уловил потенциальную проблему. Он поднял палец, его взгляд стал острым, сканирующим.

— Да? — Администратор замерла, её брови слегка сдвинулись. Она не понимала, что могло пойти не так.

— На форме есть бейджики? — Гриша знал, как устроена больница: бейджик — это не просто кусок пластика, это юридическая идентификация. Ошибка в имени могла стоить ему репутации или создать проблемы с пациентами.

— Да, конечно! А что такое? — Администратор кивнула, её голос прозвучал с лёгким недоумением. Для неё бейджик был стандартной процедурой, она не видела подвоха.

— Там написано полное ФИО? — Он не мог позволить себе, чтобы его называли старым именем, которое теперь было связано с юридическими призраками прошлого.

— Да, конечно, у всех так! — Администратор ответила с лёгким раздражением, но тут же поняла суть.

— Надо поменять бейджики! Что я собственно бегал сегодня 3 часа, я если коротко то я менял документы! — Гриша произнёс это с лёгкой, горькой иронией. Фраза «бегал 3 часа» была констатацией физического и эмоционального марафона.

— Что именно? Неужели вы меняли фамилию? — Администратор ахнула, её рука непроизвольно прикрыла рот. Её глаза расширились, она смотрела на этого худого подростка, который за один день переписал свою биографию.

— Да! Вот можете в этом убедиться! — Он не прятался, он заставлял мир принять его новым. В его позе читалась та же сталь, которая не позволяет усомниться в его праве на это имя.

— Ого, что за фамилия! Я в шоке! Вы только фамилию меняли? — Администратор смотрела на документ, её голос дрожал от изумления. Она не могла поверить, что он оставил старое имя и отчество (или что он изменил, контекст намекает на шок именно от фамилии, возможно, он взял фамилию Али, или какую-то символичную, или фамилию матери, о которой раньше молчал).

— Да! Всё остальное мне очень нравится! Поэтому не менял! — Это была не просто констатация факта, это было заявление: я оставил себе только то, что связано с любовью и памятью, остальное я отсек. В его тоне не было сентиментальности, только железная логика выжившего.

— Понял, я тогда сейчас меняю и новые карточки распечатаю для бейджиков! — Она поняла, что перед ней не просто пациент, а человек, который требует абсолютного уважения к его новому статусу.

— Спасибо! — Гриша кивнул, его голос стал мягче.

— Я тогда минут через 5 зайду, занесу новые карточки! — Она чувствовала, что становится частью чего-то важного, частью истории этого парня.

— Да, спасибо! Кстати, по работе санитаром! А именно какие у меня именно обязанности? Ну, помыть полы везде это естественно входит в мои обязанности! А вот по поводу всего остального! Там убирать за пациентами, а именно койки перестилать это входит в мои обязанности? — Гриша мгновенно переключился в режим работника. Его педантичность была его защитой. Ему нужно было чётко разграничить свои обязанности, потому что у него не было права на выгорание. Ему нужно было кормить брата и учиться.

— Да, конечно входит, вы же работаете санитаром а не уборщиком! — Она ценила людей, которые знают разницу между «убирать грязь» и «создавать стерильную среду для выздоровления».

— Без проблем, я просто уточнил! — Гриша кивнул, его плечи расслабились.

— Хорошо, сейчас распечатаю и приду! — Администратор встала, её движения были лёгкими. Она чувствовала удовлетворение от того, что смогла помочь этому парню не только с документами, но и с интеграцией в коллектив.

— Жду! — Гриша остался стоять, его поза была идеальной. Он ждал, как солдат на плацу, готовый приступить к выполнению задач. Его мозг уже составлял график: смена, кормление Алексея, учёба, сон (если повезёт).

— Доброе утро, ещё раз спасибо, что посидели с моим мальчиком! — Гриша повернулся и увидел вчерашнюю нянечку (Авелин/Аврелию). Его голос мгновенно стал теплее, маска строгого работника спала. Он смотрел на неё с искренней благодарностью, она была тем же ангелом-хранителем, который позволил ему вырваться в мир за документами.

— Пожалуйста! Обращайтесь! А вы здесь будете работать? И как я вижу в 2х специальностях! — Нянечка улыбнулась, но тут же её глаза расширились от удивления. Она увидела форму, бейджик (или его отсутствие), и поняла, что этот подросток не просто гость.

— Да, всё верно мне тут дали 2 работы! Санитар и медбрат! — Гриша ответил спокойно, почти буднично. Для него это было не достижением, а необходимостью. Он знал, что его знания (фармакология, инъекции) позволяют ему выполнять функции медбрата, а физическая выносливость — санитаром. Он принимал эту нагрузку как данность, его позвоночник выпрямился ещё сильнее.

— А вы разбираетесь в медицине? — Медсестра слегка склонила голову, её взгляд скользнул по уверенной, почти слишком взрослой для его лет позе Гриши. В больничных коридорах такие вопросы — это не просто вежливость, это способ калибровки: понять, имеет ли она дело с напуганным родственником, которого нужно успокаивать, или с человеком, который может стать полезным союзником в смене.

— Да! Намного больше чем вы даже не догадываетесь! — Ответ прозвучал ровно, без тени хвастовства, но с той же стальной уверенностью, которая вырабатывается годами жизни среди медицинских карт, капельниц и разговоров за обеденным столом. В его голосе не было подростковой бравады; это была констатация факта, выстраданного через бессонные ночи у постели больного отца и собственную борьбу с диагнозом.

— Я точно не догадываюсь! Ну я пойду! — Медсестра сделала шаг назад, её профессиональная маска дала лёгкую трещину, обнажив искреннее удивление. Она почувствовала смену динамики власти в этом разговоре: перед ней стоял не проситель, а равный, а возможно, и более компетентный в некоторых вопросах собеседник.

— Идите!.... Как ты? Представь у нас с тобой всё получилось, у меня с тобой теперь другая фамилия мы теперь не Грановские мы теперь Кадехары, то есть я Кадехара Григорий Генадьевич, а ты Кадехара Аллексей Григорьевич! И да по документам ты теперь мой сын! — Он наклонился к переноске или кровати, его пальцы нежно коснулись щеки младенца. Это был момент интимной, почти сакральной исповеди. Произнося новую фамилию, он словно

закреплял её в реальности, превращая юридическую фикцию в новую, спасительную истину. В его шёпоте звучала нежность, смешанная с тяжёлым грузом ответственности: он только что официально стал «отцом» собственному брату, взяв на себя роль щита против всего мира.

Адриан звонит Грише резкий, вибрирующий звук телефона разорвал тихую идиллию, мгновенно вернув Гришу в режим повышенной готовности.

— Привет! — Голос Адриана в трубке прозвучал тепло, с той же лёгкой, братской небрежностью, которая так контрастировала с напряжённым миром Гриши.

— Да привет! — Гриша ответил, и в его голосе невольно проскользнула улыбка. Он слегка отвернулся от медсестры, создавая иллюзию приватности разговора.

— Ну, что всё получилось? Изменил фамилию? — Он знал, насколько высоки были ставки, и каждая секунда тишины перед ответом давилась на его плечи невидимым грузом.

— Да, изменил и даже получилось вписать себя в графу отца! — Но за этой нарочитой спокойной интонацией скрывался колоссальный адреналиновый всплеск и чувство триумфа. Он не стал приукрашивать или смягчать факт, зная, что Адриану нужна только сухая, неопровержимая правда.

— Чего? Ты теперь отец Алексея? — Реакция Адриана была мгновенной и висцеральной. Голос в трубке сорвался на полтона выше, выдавая шок. Его мозг, привыкший к логике, на секунду отказался обрабатывать эту информацию: его лучший друг, ровесник, юридически стал родителем собственному брату.

— Да! — Короткое, рубленое подтверждение. Гриша не стал оправдываться или объяснять детали по телефону.

— Я в шоке, мне папа передал пропуск, могу к тебе сейчас приехать! — Шок Адриана мгновенно трансформировался в действие. Его голос стал решительным, энергичным.

— Я очень буду рад, если ты ко мне приедешь! Я могу поговорить с ГлавВрачом, чтобы ты у меня мог ночевать! — Предложение поговорить с главврачом было не просто бытовой деталью, а актом высшего доверия. Он приглашал Адриана в свою новую, хрупкую крепость, готовый бороться за то, чтобы его лучший друг стал частью его нового мира.

— Очень было бы круто, и за Алексеем смог бы приглядывать! — Адриан не стал юлить или стесняться. Он прямо заявил о своей готовности взять на себя часть непосильной ноши Гриши. В его тоне звучала та же надёжность, которая не нуждается в громких клятвах.

— Да, я тебе намного больше доверяю чем даже нянечкам в этом роддоме! — Эта фраза прозвучала как высшая награда. Для Гриши, чьё доверие было выжжено дотла обстоятельствами, признать кого-то более надёжным, чем медицинский персонал, было равносильно признанию в любви.

— Это точно, ладно жди я скоро буду! Кстати вы поссорились? — Его голос стал чуть тише, осторожнее. Он помнил о напряжении, которое висело между Гришей и его отцом, и, обладая высокой эмпатией, понимал, что эта тема всё ещё может быть минным полем.

— Смотря кого ты имеешь ввиду!? — Его голос стал колючим, напряжённым. Вопрос задел его за живое, напомнив о болезненном осознании того, что его выживание для некоторых взрослых — это лишь вопрос чести или долга, а не безусловной любви.

— Моего отца конечно! — Адриан поспешил уточнить, его тон стал мягче, почти извиняющимся.

— ХА, ты про это, скажи мне пожалуйста... — В нём не было веселья, только циничное разочарование взрослого, который слишком рано увидел изнанку человеческих отношений.

— Я тебя слушаю! — Адриан замер, возможно, остановившись на улице или в машине. Его дыхание стало тише, он полностью сосредоточился на трубке.

— Ты знал из-за чего он так печется за меня? — Гриша проверял, был ли Адриан в сговоре, или он такой же невинный участник этой драмы. Его голос дрогнул, выдавая уязвимость, которую он обычно тщательно прятал.

— Нет, а ты знаешь? — Он действительно не знал, и его искреннее недоумение в голосе стало для Гриши первым признаком того, что его друг не был частью этого «заговора» взрослых.

— Угу, сегодня он мне сказал! — Гриша кивнул в пустоту, его голос стал плоским, лишённым эмоций. Это была защитная диссоциация: говоря о боли как о стороннем факте, легче не дать ей себя разрушить.

— И? Из-за чего? — Адриан затаил дыхание.

— Это одолжение! — Два слова, упавшие как тяжёлые камни. Гриша произнёс их с ледяной отчётливостью.

— Чего? — Адриан выдохнул это с искренним шоком. Его мозг отказывался верить, что его отец, которого он считал образцом бескорыстной доброты, мог руководствоваться таким мотивом.

— Он обещал моему отцу, что со мной всё будет хорошо! И поэтому он за мной носится извини как курица наседка за своим цыплёнком! — Метафора про «курицу наседку» была не просто обидной, она была разрушительной: она обесценивала всю его борьбу, превращая его в беспомощный объект опеки, а не в личность.

— Ахах, извини меня тоже! В если без мата то я в очень большом шоке! Жди буду минут через 30—40! — Его признание в шоке и едва сдерживаемое желание выругаться показали, насколько глубоко его задело это открытие. Но он не стал тратить время на долгие извинения по телефону; его действия говорили громче слов.

— Жду! — Гриша коротко кивнул и отключил вызов.

— Григорий Геннадьевич! — Голос медсестры (Аврелии) прозвучал чётко, возвращая его из мира личных переживаний обратно в суровую реальность больницы.

— А? — Гриша моргнул, его взгляд сфокусировался на собеседнице. Маска профессионала мгновенно вернулась на место, скрывая остатки эмоциональной бури, которая только что бушевала внутри него.

— Во первых, вот новые карточки! Во вторых нужна опять ваша помощь, но уже в другой палате! К девочке и она не такая маленькая как Богдан, но ей ещё нет 18 лет! — Медсестра протянула ему ламинированные бейджи, её голос звучал с ноткой срочности, но и с большим доверием. Упоминание несовершеннолетней пациентки в гинекологии сразу же повысило ставки: здесь требовалась не только медицинская сноровка, но и такт, и психологическая чуткость, в которых она уже успела убедиться на примере Гриши.

— Это не имеет значения, у меня были случаи что человеку больше 18 но боится как детсадовский ребёнок! — Он сразу же перевёл фокус с возраста на психологическое состояние пациента, демонстрируя свой профессионализм.

— А даже так тогда вам не составит труда нам помочь в этом! — Медсестра выдохнула с облегчением, её плечи расслабились.

— Да, у меня к вам будет вопрос! — Он решил воспользоваться моментом её благодарности, чтобы решить свой бытовой вопрос, понимая, что сейчас у него есть максимальный кредит доверия.

— Какой? — Медсестра насторожилась, но её лицо оставалось открытым и готовым к диалогу. Она ценила его прямоту.

— Можно ли иногда тут у меня будет ночевать лучший друг про которого я вам ранее рассказывал? — Вопрос прозвучал осторожно, но с достоинством. Гриша не просил поблажки, он запрашивал логистическое решение для критически важной для него системы поддержки.

— Да! Но лишней койки не найдётся имейте ввиду! — Ответ был быстрым и практичным. Медсестра согласилась, но сразу обозначила физические границы реальности больницы. Её тон был дружеским, но предупреждающим.

— Да-да конечно, я скоро куплю кровать для Алексея, а пока он будет спать со

мной! — Упоминание того, что младенец будет спать с ним, вызвало бы у социальных работников шок, но здесь, в этих стенах, это было воспринято как вынужденная и трогательная необходимость.

— Друг? — Медсестра уточнила, желая убедиться, что она правильно поняла схему расселения, чтобы избежать любых двусмысленностей или нарушений протокола.

— Нет, вы за кого меня принимаете? Алексей со мной а Адри так зовут моего друга будет спать на 2 кровати! — Для него границы были священны. Он чётко разграничил зоны ответственности и сна, показывая, что, несмотря на юный возраст, он мыслит как строгий, заботливый родитель, не допускающий хаоса.

— А ну извините, тогда без проблем пусть ночует! — Медсестра улыбнулась, её смущение было искренним. Она оценила его принципиальность и чёткость.

— Спасибо, пойдёмте помогу вам! — Гриша кивнул, его тон снова стал деловым и собранным.

— А Алексей? — Медсестра бросила заботливый взгляд на переноску или кроватку, её материнский инстинкт не позволял ей оставить вопрос о благополучии младенца без внимания.

— Со мной, я у себя дома нашёл кенгуру пока Адри не приедет буду его носить с собой! — Его голос прозвучал с гордостью изобретателя, нашедшего идеальное решение. Метод «кенгуру» обеспечивал ребёнку необходимое тепло и контакт, а Грише — свободу рук для работы. Это был символ его новой жизни: он везде и всегда со своим братом, они единое целое.

— Хорошо! — Медсестра одобрительно кивнула, впечатлённая его находчивостью и самоотверженностью.

— Пошли! — Гриша сделал уверенный шаг вперёд.

В палате Гинекологии Атмосфера в палате была иной: более интимной, напряжённой, пахнувшей не только антисептиком, но и тревожностью, свойственной подросткам в таких обстоятельствах. Свет был чуть приглушён, создавая иллюзию уединения.

— Ещё раз здравствуйте! — Гриша вошёл первым, его голос прозвучал мягко, но уверенно.

— Здравствуйте! — Голос девочки из-за ширмы или с кровати прозвучал тихо, с ноткой напряжения. Она была настороже, её тело, вероятно, было сжато в защитную позу, ожидая неприятных процедур или бестактных вопросов.

— Простите! — Гриша извинился за возможное беспокойство, его тон был искренним и располагающим.

— Ничего! — Девочка, вероятно, слегка расслабилась, почувствовав в его голосе не авторитарную нотку врача, а спокойствие ровесника или старшего брата.

— О, боже это тот же Алексей! — Внезапно в голосе девочки прозвучало искреннее, детское удивление и восторг. Младенец, мирно спавший или смотревший по сторонам в кенгуру, стал мощнейшим социальным лубрикантом, мгновенно снявшим напряжение в комнате. Страх перед медицинским вмешательством отступил перед чудом новой жизни.

— Да, это тот же Алексей! — Гриша улыбнулся, и эта улыбка осветила его лицо, сделав его на несколько лет моложе. В его голосе звучала безграничная гордость.

— Простите! — Девочка тут же спохватилась, осознав, что отвлеклась от серьёзного медицинского процесса.

— Да, не я уже понял... — Гриша мягко махнул рукой, его улыбка не сошла с лица.

— Что Адаму Владиковичу всё-таки придётся поднять вам зарплату! — Медсестра, стоявшая рядом, не удержалась от шуточного замечания. Её тон был лёгким, полным профессионального восхищения.

— Ахаха, да! Что у нас на это раз? — Его взгляд стал внимательным, сканирующим обстановку и готовым к действию.

— Ну... — Она смотрела на руки пациентки, и по её выражению было понятно, что венозный доступ будет непростой задачей.

— Сразу говорю давай перейдём на ты! — Гриша, не дожидаясь описания проблемы, обратился напрямую к пациентке. Его голос стал тише, доверительнее.

— Давай, так будет удобней! — Девочка согласилась почти с облегчением. Официоз пугал её больше, чем сама игла.

— Так, что? — Гриша повернулся к медсестре, его тон стал деловым. Он был готов анализировать и действовать.

— Я не могу найти большую вену! — Медсестра призналась в этом с ноткой разочарования в себе. Она знала, что множественные попытки найти вену у подростка — это гарантированный стресс, слёзы и потеря доверия к медицинскому персоналу.

— Так, а надо поставить капельницу или ввести внутривенно? — Его мозг уже строил алгоритм: для капельницы нужна стабильная, крупная вена, для болюсного введения можно попробовать варианты поменьше.

— Поставить капельницу! — Требовалась не просто ловкость, а настоящая виртуозность, чтобы не причинить лишней боли.

— Угу, как зовут? — Он знал, что прежде чем трогать тело, нужно установить контакт с личностью. Использование имени — это первый шаг к возвращению человеку чувства собственного достоинства в больничной палате.

— Василиса. — Она ответила тихо, но чётко. В этом слове была мольба о внимании и заботе.

— Приятно познакомиться! Кадехара Григорий Генадьевич. — Гриша произнёс своё новое имя с намеренной, подчёркнутой чёткостью. Это был не просто ответ, это была репетиция, способ привыкнуть к звучанию своей новой идентичности в безопасной среде.

— Кадехара? — Василиса слегка нахмурилась, её любопытство на мгновение пересилило страх.

— Я тебе потом всё объясню! — Гриша подмигнул или улыбнулся чуть шире. Это было обещание, маленькая интрига, которая создавала между ними связь, выходящую за рамки минутной процедуры.

— Ну, хорошо! — Она кивнула, её плечи заметно опустились.

— Василис, ты боишься? — Он легитимизировал её страх, давая ей разрешение быть напуганной, что парадоксальным образом уменьшало этот страх.

— Нет, я конечно понимаю у меня, что у меня сложно найти большую вену! Вообще я просто устала, что у меня по пол часа ищут вены! — Это был крик души не столько от страха боли, сколько от усталости быть «проблемным пациентом», от ощущения своей неполноценности из-за особенностей организма.

— Я тебя услышал! Василис пожалуйста ляг, у меня имеется секретная техника по которой с первой секунды находится вены! — Гриша ответил с энтузиазмом, превращая медицинскую процедуру в почти магический ритуал. Слово «секретная техника» было блестящим психологическим ходом: оно переключало её фокус с «мне будут делать больно» на «мне покажут фокус».

— Хорошо, вы мне поставите капельницу? — Её тело начало расслабляться, готовясь к сотрудничеству, а не к сопротивлению.

— Да, по крайней мере в этот раз! Ложись! — Гриша ответил с лёгкой, ободряющей шуткой, одновременно давая чёткую, спокойную инструкцию. Его движения были плавными, он помогал ей устроиться, не причиняя лишних неудобств.

— Ладно! — Она послушно легла, закрыв глаза. Это был акт полного доверия. Она отдала контроль над своим телом в его руки, веря, что он не подведёт.

— Вот... кулак напряги и на себя! — Он давал чёткие, простые инструкции, которые помогали пациентке сосредоточиться на действии, а не на ожидании боли. Его пальцы уже нащупывали нужное место с профессиональной лёгкостью, не причиняя дискомфорта.

— Хорошо! — Она выполнила инструкцию, её кулак сжался. Она была активным участником процесса, и это давало ей ощущение контроля, которого так не хватало.

— Василис открой глаза, я всё! — Гриша произнёс это с торжествующей, но мягкой ноткой. Он уже успел не только найти вену, но и зафиксировать катетер, пока она моргнула. Скорость и безболезненность были его главным оружием против страха.

— Всё? — Она открыла глаза, глядя на свою руку с недоверием.

— Да! Аврелия ты увидела, что и как сделал? — Гриша тут же превратил свой успех в обучающий момент. Он не кичился, а делился опытом, показывая медсестре траекторию и глубину введения.

— Да, увидела. — Аврелия кивнула, в её глазах читалось искреннее восхищение.

— Можешь пользоваться, только единственное очень осторожно! — Гриша добавил это с серьёзным выражением лица. Он понимал, что техника без анатомического понимания и осторожности может быть опасна.

— Я поняла! — Аврелия улыбнулась, её благодарность была безграничной. В этой палате, за несколько минут, Гриша не просто поставил капельницу. Он восстановил веру пациентки в медиков, поддержал коллегу и утвердился в своей новой роли: не просто выживающего, а целителя.

— Сможешь сама снять? — Его голос был лишён командных ноток; это было предложение, а не приказ. В его тоне звучала забота о её психологическом комфорте: после стресса от поиска вены важно, чтобы последнее действие она совершила сама, чувствуя себя хозяйкой своего тела.

— Да! — Напряжение, сковывавшее её челюсть, исчезло. В её голосе прозвучала благодарность не только за безболезненную процедуру, но и за то, что с ней обошлись как со взрослой, компетентной личностью, а не как с беспомощным объектом манипуляций.

— Отлично, тогда я свободен! — Гриша выпрямился, и его профессиональная маска на секунду спала, уступив место тёплой, человеческой улыбке. Он поправил лямку кенгуру с Алексеем, его движения стали более плавными и заботливыми. Он выполнил свою задачу, и теперь мог позволить себе краткий момент передышки.

— Да спасибо вам большое! — В её тоне не осталось и следа той тревоги, с которой она встретила медперсонал. Гриша не просто поставил капельницу; он восстановил её веру в то, что в больнице ей могут помочь, а не причинить боль.

— Тебе большое! — Гриша бросил это через плечо, его тон был лёгким и неформальным. Это был обмен взаимным уважением между двумя людьми, которые только что совместно преодолели небольшой, но значимый медицинский барьер.

— А ну да! — Это было мгновение когнитивного диссонанса, когда реальность ломала привычные стереотипы о том, как должен выглядеть «квалифицированный специалист».

— Если что зови! — Гриша остановился в дверях, бросив ей ободряющий взгляд. Это было не дежурное обещание, а гарантия безопасности.

— Хорошо, спасибо! — Она выдохнула, и этот звук был наполнен тихим покоем. Атмосфера в палате окончательно сменилась с клинически-холодной на доверительную и безопасную. Гриша заходит в палату, чтобы переодеться и тут...

Глава 82. Адриан приехал

— Адри? — Имя сорвалось с его губ с ноткой неверия, мгновенно сменившейся волной глубокого, сокрушительного облегчения. Его плечи, несущие непосильный груз последних дней, опустились на долю сантиметра.

— Привет! — Адриан улыбнулся, и эта улыбка была теплой, слегка неуверенной, но полной искренности.

— А, что ты не сообщил мне, что ты уже доехал? — В голосе Гриши прозвучала лёгкая, почти братская укоризна, за которой скрывалась тревога. Его мозг, привыкший контролировать каждый аспект хаотичной жизни, на мгновение запаниковал от непредвиденного элемента.

— Хотел сделать сюрприз! — Адриан пожал плечами, его глаза заблестели озорным огоньком. Он намеренно нарушал рутину, пытаясь привнести каплю нормального, подросткового веселья в эту стерильную, пропитанную горем обстановку.

— Ну, что могу сказать, сюрприз удался! — Гриша не смог сдержать ответной улыбки. Напряжение в его челюсти разжалось.

— Я рад! Мне посидеть с Алексеем? — Адриан тут же перешёл от слов к делу. Его взгляд мягко сместился на младенца в кенгуру. В его тоне не было жалости, только практическая готовность разделить ношу. Он уже мысленно оценивал, как лучше взять ребёнка, чтобы не разбудить его.

— Да, давай! — Гриша ответил мгновенно, и в этом согласии прозвучала безграничная благодарность. Он начал аккуратно расстёгивать лямки, его движения были бережными, но поспешными, выдающими, насколько сильно он устал физически держать этот вес.

— Хорошо! — Адриан принял младенца с неожиданной для парня нежностью и уверенностью. Его голос тут же стал тише, приобретая те же успокаивающие, воркующие интонации, которые инстинктивно включаются при контакте с ребёнком.

— А то полы мыть с ребёнком не очень то удобно! — Гриша попытался пошутить, но в его голосе прозвучала горькая, прагматичная правда. Он обвёл рукой помещение, указывая на ведро и швабру. Это было не нытьё, а констатация абсурдности его ситуации: он должен быть и отцом, и уборщиком, и медиком одновременно.

— Это да! — Адриан хмыкнул, его глаза выразили полное понимание.

— Ну, я пошел! Алексей я тебя люблю, и скоро прийду! — Гриша наклонился и поцеловал младенца в лоб. Его голос, обычно такой ровный и деловой, дрогнул, став невероятно нежным и интимным.

— Я не удивлюсь если вы через сколько то лет будите встречаться! — Засмеялся Гриша.

— Ты за кого меня принимаешь? — Гриша фыркнул, изображая возмущение. Его брови поползли вверх, и он выпрямился во весь рост.

— За очень порядочного человека, но помяни моё слово! — Адриан поднял руку в шуточном жесте клятвы, его улыбка стала шире.

— Давай запишем этот разговор на диктофон! — Хмыкнул Гриша с театральным жестом потянулся к телефону, его глаза смеялись и нажал кнопку на телефоне.

— Да. без проблем! — Адриан махнул ему рукой, его лицо стало серьезнее, но глаза остались тёплыми.

— Ну все я пошел!

— Хорошо, будем тебя ждать! — Слово «будем» было ключевым: он больше не один.

— Ждите! — Адриан кивнул, его поза излучала надёжность.

— Здравствуйте! — Гриша шагнул в коридор, и его голос мгновенно обрёл профессиональную нейтральность. Маска слетела, уступив место лицу ответственного сотрудника.

— Привет! — Коллега ответила с лёгкой улыбкой, но в её глазах читалась спешка. — Вы ещё и Санитар? То есть вы получается и Медбрат и Санитар! — Она мысленно прикидывала объём его работы, и цифры не складывались в пользу выживания.

— Да, всё верно! — Гриша ответил без тени самообвинения или жалости к себе. Это была сухая констатация факта. Его подбородок слегка приподнялся, демонстрируя непоколебимую решимость.

— Вам не тяжело? — Коллега на мгновение забыла о субординации, и в её голосе провалилась чистая, человеческая эмпатия.

— Не очень, мне надо кормить, обувать, одевать, уже не только себя но и своего сына! — Слово «сына» прозвучало с особой, стальной твёрдостью. Гриша не сказал «брата». Он принял эту юридическую и моральную реальность полностью. Его голос не дрогнул, но в глазах мелькнула тень той боли, которая заставляла его работать на износ.

— У вас есть сын? — Коллега моргнула, её мозг отказывался стыковать образ худого, юного парня в форме санитара с понятием отцовства. Её взгляд инстинктивно искал кольцо на пальце или другие маркеры взрослой жизни, не находя их.

— Да! — Гриша отрезал любую возможность для дальнейших расспросов. Это была граница, которую он начертил вокруг своей личной жизни, защищая её от любопытных глаз.

— Давно? — Коллега тут же поняла, что перебрала, но любопытство оказалось сильнее такта. Её голос стал мягче, извиняющимся, словно она боялась спугнуть хрупкого зверька.

— Недавно! — Гриша ответил уклончиво, но честно. Его тон стал холоднее, он уже мысленно вышел из этого разговора, переключая внимание на рабочие задачи.

— Круто поздравляю! — Коллега поспешно выпалила это, пытаясь сгладить неловкость. Её улыбка была немного натянутой, но искренней в своём желании поддержать его, пусть и неуклюже.

— Спасибо! — Гриша кивнул, его лицо снова стало непроницаемым.

Глава 83. Мост между двумя мирами.

— Привет! — Али ответил с напряжением в голосе. Его плечи были сжаты, он подсознательно готовился к плохим новостям или к разбору полётов, который он сам же и спровоцировал своей неуклюжей ложью во спасение.

— Ну привет! — Голос Булата был бодрым, но в нём сквозила стальная решимость. Это был голос человека, который пришёл не поболтать, а решать проблему.

— Тебе уже, что-то рассказали! — Булат сканировал уровень осведомлённости Али, его тон был прямым, не допускающим уклончивых ответов.

— Мне только сказали, что мне кто-то позвонит для серьёзного разговора со мной! — Али выдохнул, и в его голосе прозвучала усталость.

— Григорий сказал тебе эту информацию? — Булат уточнял источник, его ум работал как адвокат, выстраивая цепочку фактов. Ему нужно было понять, насколько глубоко зашло недопонимание, чтобы выбрать правильную стратегию вмешательства.

— Да! — Короткий, тяжёлый слог. Али закрыл глаза, признавая своё поражение в коммуникации.

— Я понял, в общем опережаю твой вопрос, да меня попросил тебе позвонить Григорий! Потому, что он не понимает твою позицию, что случилось? Почему ты ему сразу не сказал эту информацию, и я абсолютно понимаю его позицию и его обиду на тебя! — Булат выпалил эту тираду на одном дыхании, и в его голосе зазвенела праведная ярость от лица Гриши. Он не смягчал углы. Он озвучил ту же боль, которую Гриша не мог выразить сам: ощущение предательства от того, кого он считал союзником.

— И ты его поддерживаешь в этот момент! — Али констатировал факт без злости, лишь с глубокой, сокрушительной печалью. Он не стал спорить, потому что знал: Булат прав.

— Можешь считать так, да я сейчас на его стороне, потому, что действительно не понятно почему ты так с ним поступил, потому, что и так понятно то, что ты будешь помогать и поддерживать его когда его отец в итоге скончается! — Булат нанёс финальный, точный удар. Он разоблачил абсурдность ситуации: помощь Али была неизбежна, так зачем же было окружать её тайной и ложью, которые только ранили хрупкую психику парня?

— И ты хочешь сказать я должен был Григорию всё рассказать но тем самым предать своего лучшего друга с которым дружил на данный момент на протяжении 30 лет?! — Голос Али сорвался на крик, в котором прорвалась вся его мука. Он был загнан в угол моральной дилеммой: сказать правду и нарушить обещание, данное другу 30 лет назад, или промолчать и ранить Гришу. Он хлопнул ладонью по столу.

— Я этого не говорил! Вы должны вместе решить этот вопрос! Я всё сказал! — Булат отрезал, его тон стал финальным и властным. Он не собирался быть судьёй в этом конфликте.

Глава 84. Звонок Григорию или опасения которое давало, крохотную надежду на понимание.

— Здравствуй, не отвлекаю? — Он сменил гневную интонацию разговора с Али на поддерживающую, понимая, что Гриша сейчас находится на грани эмоционального истощения.

— Здравствуй, не сильно! — Он прислонился спиной к холодной стене коридора, ища физическую опору. Его желудок сжался в тугий узел, готовясь к удару.

— Вообще, я с ним созвонился, могу сказать одно, я точно на твоей стороне, я его конечно же могу понять, цитирую: И ты хочешь сказать я должен был Григорию всё рассказать но тем самым предать своего лучшего друга с которым дружил на данный момент на протяжении 30 лет! — Булат произнёс цитату медленно, давая каждому слову упасть и обрести вес. Для Гриши это было как удар под дых. Слышать свои собственные мысли, озвученные взрослым мужчиной, подтверждало валидность его боли.

— Спасибо, что созвонился и поговорил с ним, это конечно ничего не изменило, но по крайней мере он тебе сказал настоящую причину почему он так жестоко по отношению ко мне поступил, и можно сказать предал! — Это был голос человека, у которого внутри что-то безвозвратно сломалось.

— Рад был вам помочь! Быстрого и лёгкого вам рабочего дня! — Булат попытался закончить разговор на тёплой ноте, но пожелание «лёгкого дня» прозвучало почти трагической иронией в устах человека, несущего такую ношу.

— Спасибо, и вам! — Гриша ответил автоматически, его профессиональная маска тут же встала на место. Он убрал телефон, глубоко вдохнул пахнущий хлоркой воздух коридора и заставил свои ноги двигаться дальше.

— Гриш! — Голос Аврелии прозвучал срочно, выдергивая его из оцепенения. Она стояла в конце коридора, и её поза выдавала: случилось что-то, требующее немедленного внимания.

Гриша 97 Знакомство с Зиной

— Да? Аврелия, слушаю! — Гриша мгновенно переключился. Его голос стал чётким, внимательным. Он повернулся к ней всем корпусом, демонстрируя полную готовность к действию.

— Ты закончил мыть полы? — В её вопросе прозвучала лёгкая, почти материнская ирония.

— Это сейчас был сарказм? Это ты так решила пошутить? Но не удачно. Да? — Гриша усмехнулся, и эта улыбка на мгновение сделала его лицо моложе.

— Гриш, сори, там в общем привезли... — Ирония мгновенно испарилась с лица Аврелии. Её глаза стали серьёзными, она шагнула ближе, понизив голос. Это был сигнал: ситуация нестандартная, возможно, сложная или деликатная.

— Кого привезли? Нашли мед. карту? — Он протянул руку за документами, его движения были экономичными и быстрыми. Информация была его главным оружием.

— Да, вот держи! — Аврелия передала папку. Их пальцы на мгновение соприкоснулись, и в этом жесте была немая передача ответственности.

— Пойдём, а что врачи все заняты? — Он логически вычислил причину своего вызова: если зовут санитар/медбрата, значит, основной персонал перегружен или заблокирован более тяжёлыми случаями.

— Да, меня попросили тебя позвать! — Они двигались как слаженный механизм, обходя бюрократические проволочки.

— Понятно, пойдём я переоденусь! — Гриша принял решение мгновенно. Он знал: чтобы его воспринимали всерьёз, особенно с пациентом-подростком, ему нужен визуальный авторитет.

— Хорошо! А кто сейчас с твоим уже сыном Алексеем? Кстати ты обещал рассказать как это так получилось? — Аврелия не удержалась от вопроса, её голос был полон тёплого любопытства.

— Да, расскажу, пока просто как ты видишь нет времени! — Гриша обвёл рукой коридор, полный суеты, стонов и звонков. Его тон был извиняющимся, но твёрдым. Эта история была слишком большой, слишком болезненной для разговора на бегу. Она требовала тишины и безопасности, которых здесь не было.

— Это да, какие-то слишком загруженные дни пошли! — Аврелия вздохнула, её плечи поникли на долю секунды.

— Проходи! — Гриша вошёл в палату, и его присутствие мгновенно изменило атмосферу. Он не вошёл как подчинённый, он вошёл как человек, берущий на себя ответственность. Его взгляд сразу же просканировал пациента, оборудование и общее состояние комнаты.

— Здравствуйте! Вы кто? — Её глаза, полные страха и недоверия, оценивали его юное лицо, ища признаки компетентности и не находя их.

— Здравствуйте! Я лучший друг Гриши! — Адриан, который оказался в палате, поспешил представиться, его голос был мягким и успокаивающим. Он инстинктивно встал чуть в стороне, не вторгаясь в личное пространство пациентки, но демонстрируя, что она не одна.

— Аврелия познакомься это Адриан, мой, как он уже сказал, лучший друг! Адриан, познакомься это Аврелия медсестра этой больницы! — Гриша выступил в роли моста между своим прошлым и настоящим. Его голос звучал гордо и уверенно.

— Ну, что ж приятно познакомиться! — Она быстро оценила Адриана, отметив его спокойствие и заботу, и мысленно поставила галочку: у Гриши есть хорошая поддержка, это важно.

— И мне приятно познакомиться! — Адриан кивнул с уважением, его поза была открытой.

— Адри, мне надо сейчас опять отлучиться, так как там привезли пациентку, надо выяснять, что с ней делать? — Гриша повернулся к другу, и в его глазах промелькнула тень извинения. Долг звал его, и он не мог ему противостоять. Его голос был мягким, но решительным: работа есть работа.

— Хорошо, без проблем тем более я договорился с мамой, что я у тебя сегодня останусь! — Адриан тут же снял с него эту вину. Упоминание мамы было стратегическим ходом: оно гарантировало Грише, что Адриан не просто зашёл на пять минут, а готов нести полноценную вахту, снимая с Гриши головную боль о логистике.

— Ооо, отлично если, что можешь включить комп и чтонибудь посмотреть или домашку делать! У тебя с этим как? Не много задают? Вообще чувствуй себя как дома! — Лицо Гриши просветлело. Он начал суетиться, указывая на компьютер, пытаясь создать для друга островок комфорта в этом неуютном месте. Его забота проявлялась в мелочах: он хотел, чтобы Адриану было хорошо, несмотря на обстоятельства.

— Ну прям чувствовать себя как дома, не получится и ты помнишь причину! Но спасибо, нуу а вот по поводу домашки иногда завал, но славо богу не тяжко. Сейчас смогу быст-

ренько сделать. — Адриан ответил с лёгкой, горькой усмешкой, его рука инстинктивно коснулась области почек. Это было напоминание о реальности: его собственная болезнь не позволяла ему полностью расслабиться, даже в гостях у лучшего друга.

— Да помню, если, что прям в моменте звонишь мне! Тем более если опять заболит! Мне надо будет съездить на квартиру за всеми препаратами! — Маска гостеприимства мгновенно слетела с лица Гриши, сменившись маской гиперопекающего медика. Его глаза стали серьёзными.

— Хорошо! Если, что позвоню! Но надеюсь ничего не произойдет и ничего не заболит! — Адриан поднял руки в жесте капитуляции и мира. Он попытался разрядить обстановку, показывая, что не собирается быть обузой. Его улыбка была ободряющей, направленной на то, чтобы успокоить расшалившиеся нервы Гриши.

— Хорошо! Пошли! Дай-ка ещё разок взглянуть на карту девушки! — Гриша кивнул, резко переключая передачи в своём мозгу.

— Да, пошли! Вот! — Аврелия передала документы, её лицо было сосредоточенным. Она знала, что случай нестандартный, и полагалась на острый ум Гриши, чтобы распутать этот клубок.

— Агаа, В Мед. карте: Имя: Иванова Зинаида Николаевна Возраст: 15 лет. Причина приезда в больницу: заражение лицевого нерва. Какие были применены меры: Была доставлена в больницу! — Гриша читал вслух, его голос был монотонным, анализирующим. Но его мозг уже цеплялся за нестыковки: «доставлена в больницу» — это слишком расплывчато. Где первая помощь? Какие препараты ввели? Его клиническая интуиция была тревогу: за этой сухостью скрывается что-то, о чём умолчали.

— Здравствуйте! — Гриша подошёл к кровати, его голос стал мягким, обволакивающим. Он специально понизил тон, чтобы не напугать пятнадцатилетнюю девочку, чьё лицо, вероятно, было искажено болезнью, что само по себе является огромным стрессом для подростка.

— Здравствуйте! Вы врач? — Зинаида ответила с трудом, её речь была смазанной из-за пареза лицевого нерва. В её глазах читалось недоверие и обида.

— Вы за кого меня принимаете? — Гриша не стал оправдываться или предъявлять диплом. Вместо этого он использовал лёгкую, уверенную иронию.

— Ну вы слишком молодо выглядите для квалифицированного врача! — Она выпалила это с подростковой прямоотой, пытаясь вернуть себе хоть каплю контроля в ситуации, где она чувствовала себя беспомощной.

— Зато на собственном опыте и быстрее всех прибыл на помощь! — Гриша улыбнулся, и эта улыбка была обезоруживающе искренней. Он превратил свой недостаток (возраст) в преимущество (скорость и эмпатия).

— Аврелия, спасибо! — Он знал, что для установления доверия с травмированным подростком, особенно с деликатными проблемами, присутствие третьего лица может быть барьером.

— Теперь у нас 1/1! — Аврелия усмехнулась, оценив его такт.

— Да. Разрешишь я осмотрю? — Гриша не стал действовать нахрапом. Он спросил разрешения, возвращая Зинаиде право голоса и контроль над её собственным телом.

— Ага! — Она кивнула, её хорошие глаза внимательно следили за его движениями. Согласие было робким, но оно было. Лёд тронулся.

— Хорошо! Вы можете быть свободны! Где расписаться за принятия в отделение пациента? — Гриша тут же переключился на административную часть, обращаясь к сопровождающему. Его способность мгновенно менять фокус с эмпатии на бюрократию впечатляла.

— Вот здесь! Спасибо. До свидание! — Сопровождающий торопливо ткнул пальцем в бумагу, радуясь возможности покинуть напряжённую атмосферу палаты.

— До свидание. Зинаида Николаевна у вас определённо заражение лицевого нерва. Скорая помощь правильный диагноз поставила! — Гриша говорил чётко, компенсируя её возможные проблемы со слухом или восприятием из-за нерва. Он подтвердил диагноз, что дало ей чувство определённости: её не считают симулянткой, её проблему видят и признают.

— Ага! — Она издала согласный звук, её плечи чуть расслабились.

— Аврелия набери: Нимесулид, Дексаметазон, Мильгамму! И на этом пока достаточно, Погоди, покажи ка руки! — Гриша чётко продиктовал схему лечения: НПВС, гормон для снятия отёка нерва и витамины группы В для регенерации. Это была грамотная, стандартная терапия.

— Ага. — Показывает руки а они такое впечатление что исколоты полностью. Внутренняя поверхность предплечий была покрыта сетью старых и свежих рубцов, гиперпигментацией и следами от множественных инъекций. Это была не просто «плохая вена», это была карта зависимости, рассказывающая историю боли, поиска и отчаяния, которая резко контрастировала с её юным возрастом.

— И давно? Не говори а то ухудшишь ситуацию! Лучше напиши! — Пишет, звук шариковой ручки по бумаге был единственным звуком в комнате. Её рука дрожала, но она писала быстро, словно освобождаясь от тяжёлого груза, который она носила в себе слишком долго.

— Если вы про исколотые вены то да я колола! — Гриша прочитал написанное, его лицо осталось непроницаемым. Внутри у него всё сжалось от жалости и гнева на обстоятельства, но внешне он был скалой.

— Зачем? Были причины? Или просто хотела попробовать? — Он не допрашивал её как полицейский, он пытался понять этиологию её зависимости как врач. Ему нужно было знать контекст, чтобы помочь, а не чтобы наказать. Пишет:

— Да, предложили попробовать, попробовала вначале было по кайфу, колола наверное примерно 3 месяца... — Аврелия от увиденного чуть в обморок не упала.

— Все хорошо? — Гриша бросил на неё быстрый, заботливый взгляд, проверяя, не выпадает ли коллега из процесса. Он управлял ситуацией полностью, заботясь даже о тех, кто должен был помогать ему.

— Нормально-нормально! — Аврелия поспешно замахала рукой, делая глубокий вдох. Она отступила в тень, уступая Грише роль ведущего в этом деликатном расследовании, доверяя его такту полностью.

— Зинаида продолжайте! — Продолжает писать.

— Примерно через 3 месяца началась ужасная побочка и я перестала колоть! — Гриша прочитал это, и пазл сложился. «Ужасная побочка» — это и был парез лицевого нерва, вероятнее всего, вызванный токсическим поражением или инфекцией на фоне сниженного иммунитета и нестерильных инъекций.

— Где ты их брала, поверь это важно, чтобы из-за этих людей совсем не погибли другие люди! И вообще, что это конкретно было? — Голос Гриши стал жёстче, но не злобно, а с позиций общественной безопасности. Он апеллировал к её совести, давая ей шанс искупить вину, предотвратив дальнейшие жертвы. Ему нужно было название вещества для правильной детоксикации и лечения.

Пишет она замерла. Это было самое страшное признание. Рука с ручкой зависла в воздухе, дрожа от внутреннего сопротивления.

— Морфин! — Гриша прочитал это слово, и холодная волна пробежала по его спине. Морфин. Сильнейший опиоид. Это объясняло всё: и тяжесть состояния, и риск сложнейшей абстиненции, и масштаб проблемы, в которую вляпалась эта пятнадцатилетняя девочка. Его лицо осталось спокойным, но в его голове уже с бешеной скоростью крутились протоколы лечения, дозировки и риски.

— Господи, как ты ещё жива? Ты хоть понимаешь, что с тобой могло произойти? — Голос Гриши прозвучал с глухим, непрошеным ужасом, который прорвался сквозь его профессиональную броню.

Пишет...

— Нет! — Одно короткое, рубленое слово, написанное с нажимом. В нем не было раскаяния, только пугающая, детская неосведомленность о том, насколько близко она ходила по краю пропасти.

— Оно и видно! Как минимум это большие проблемы со здоровьем, а если конкретно говоря, то это Астма, проблемы с сосудами! Слава богу ты додумалась прекратить колотиться! — Гриша заговорил быстро, выплескивая клинические факты как защитный механизм. Перечисляя патологии — бронхоспазм, вазоконстрикцию, риск тромбоэмболии, — он пытался вернуть себе контроль над ситуацией, перевести эмоциональный шок в сухое медицинское русло. — Аврелия пока всё отменяется, надо сначала прокапаться ей чтобы вывести весь Морфин в том числе токсины за одно! Хотя один укол всё-таки давай поставим, чтобы она хотя бы могла говорить! — Гриша мгновенно переключился в режим тактического планирования. Его мозг, работая как отлаженный компьютер, перестроил протокол лечения. Детоксикация была приоритетом, но он понимал: пока отек языка и тканей лица не спадет, пациентка не сможет ни говорить, ни нормально глотать, что создаст риск аспирации.

— Хорошо! Что именно набрать и какую дозу? — Аврелия мгновенно приняла его авторитет. В её голосе не было сомнения, только готовность действовать. Она уже тянулась к шкафчику с ампулами, её пальцы ловко снимали защитные колпачки.

— Кетопрофен* 2 кубика! В шприц на 5 мл! — Гриша назвал препарат и дозировку с хирургической точностью. Кетопрофен как нестероидный противовоспалительный препарат был идеальным выбором для быстрого снятия отека без рисков, связанных с кортикостероидами в данном контексте. Указание на шприц объемом 5 мл было маркером его практического опыта: он знал, что в маленьком шприце легче контролировать давление на поршень, делая инъекцию менее болезненной.

— Хорошо! — Аврелия кивнула, её движения были экономичными и отточенными. Щелчок разбиваемой ампулы прозвучал как стартовый сигнал к действию.

— Вот, держите! — Зина энергично замотала головой было видно, что она боится и не хочет никаких уколов.

— Зин, если сейчас не вколоть Кетопрофен*, а это к твоему сведению противовоспалительный препарат, отёк на языке так и не сойдёт! — Он наклонился ближе, его голос стал низким, ровным и успокаивающим. Он объяснил механизм действия препарата простым языком, давая ей логическую причину терпеть кратковременный дискомфорт ради долгосрочного облегчения.

— Поэтому лучше потерпеть пока, что 1 укольчик, нежели потом тебе станет ещё хуже чем сейчас! — Встряла в разговор Аврелия

— Я не больно колю! — Это была классическая, но действенная уловка опытной медсестры, направленная на то, чтобы рассмешить или хотя бы отвлечь пациента от страха.

— И это правда! Отвернись и закрой глаза! — Устранение визуального триггера (вида иглы) значительно снижает болевую чувствительность. Его тон был командным, но мягким, не допускающим возражений.

— И расслабиться, это немаловажно! — Он добавил это, зная, что напряженная мышца делает внутримышечную инъекцию более болезненной и повышает риск постинъекционных осложнений. Это был не просто совет, а медицинская необходимость.

— Соглашусь! — Аврелия кивнула, поддерживая единый фронт медицинского персонала. Их слаженные действия создавали вокруг Зины кокон профессионализма, который должен был подавить её панику.

— Угу! — Зинаида издала тихий, сдавленный звук согласия. Её тело все ещё было напряжено, но она перестала сопротивляться, доверяясь их уверенности.

— Расслабься и сделай вдох! — Она послушно набрала воздух в легкие, её грудная клетка расширилась. На долю секунды она замерла, закрыв глаза и приготовившись к неизбежному.

— Вот и всё!

Входит Нарколог Елизар Елисеич

— Здравствуйте коллега! — Елизар Елисеич обратился к Грише именно так. Врач видел не подростка в форме санитаря, а человека, который только что грамотно купировал острое состояние и принял верные тактические решения.

— Приветствую! — Гриша ответил с достоинством, не опуская глаз. В его голосе не было подобострастия, только уважение к старшему по званию и опыту.

— Кто тут у нас? — Елизар Елисеич задал стандартный вопрос для начала передачи дежурства, его взгляд уже скользил по медицинской карте и лицу пациентки, оценивая ситуацию за доли секунды.

— Иванова Зинаида Николаевна, Возраст: 15 лет, причина приезда в больницу: заражение лицевого нерва. Какие были применены меры: Была доставлена в больницу! — Гриша отчеканил анамнез с пулеметной четкостью. Он выделил только ключевые факты, опустив лишние детали, демонстрируя умение структурировать информацию так, как это делают опытные ординаторы.

— Понял! — Нарколог кивнул, его мозг уже обрабатывал полученные данные, выстраивая предварительный диагностический ряд.

— Хорошо, что вы подошли именно сейчас! Потому, что Зинаида Николаевна принимала Морфин а точнее колола его, поставил Кетопрофен, чтобы уменьшить отёк языка, а то она сейчас даже с нами не может говорить! — Гриша без промедления выложил главную, шокирующую информацию. Он также отчитался о своем вмешательстве, обосновав его медицинской необходимостью.

— На данном этапе применён только Кетопрофен? Правильно я понял? — Врач перешел к проверке текущей терапии, чтобы убедиться в отсутствии противопоказаний для дальнейшего лечения.

— Да! Всё верно. Следующим этапом идёт капельница с Глюкозо-солевым раствором для начала! — Его уверенность была абсолютной, и это подкупило опытного врача.

— Да, хорошо! — Елизар Елисеич утвердил план, окончательно признавая авторитет юноши в этом конкретном случае.

— С вами всё хорошо? — Врач вдруг заметил нечто в лице Гриши: неестественную бледность, тень под глазами, микроскопическое подрагивание рук. Профессиональный взгляд нарколога умел видеть не только симптомы пациента, но и состояние персонала.

— Да, я просто немного, много в шоке, откуда у вас такие глубокие и не менее важно верные познания! — Его интересовал источник этой энциклопедической осведомленности, которая не могла быть получена просто из учебников за короткое время.

— У меня родители были врачами: мать Хирург, отец Анестезиолог! — Гриша произнес это с тихой, пронзительной гордостью, смешанной с невыносимой болью. Это было объяснением всего: его знаний, его манеры держаться, его фатального понимания ценности жизни и хрупкости тела.

— А сейчас? — Врач задал этот вопрос, уже зная ответ, но обязан был его услышать. Его лицо стало сочувствующим и серьезным.

— Скончались! Мать неделю назад, а отец вчера вечером! — Гриша произнес их ровным, лишенным эмоций голосом — классический признак острого, непереваренного горя, которое человек держит в глубокой диссоциации, чтобы просто продолжать функционировать.

— О господи, извините мне не доложили! — Елизар Елисеич отшатнулся, его профессиональная маска треснула. Он почувствовал жгучий укол вины за то, что задал этот личный вопрос, не зная контекста, и за то, что этот мальчик, потерявший всё, стоит здесь и спасает других.

— Ничего я уже свыкся! — Гриша солгал. Он не свыкся. Прошла всего неделя. Но эта ложь была его щитом, способом закрыть тему и не позволить себе рассыпаться на куски прямо здесь, на рабочем месте.

— Простите! — Врач искренне извинился, его голос дрогнул.

— Ничего! — Гриша отмахнулся, резко возвращая разговор в деловое русло. Ему нужно было вернуться в роль медика, потому что только в ней он чувствовал себя в безопасности.

— Ну тогда, определяем на данный момент в Наркологию! Ты знаешь этих людей? — Елизар Елисеич, собравшись, обратился к Зинаиде. Его тон стал властным и непререкаемым. Вопрос о дилерах был не просто любопытством, а вопросом безопасности пациентки и предотвращения новых жертв.

— Знаю, мне уже сказали, что я должна сказать потому, что я даже знаю где у них всё происходит, потому, что они губят людей! Я просто боюсь! — Зинаида написала это, и её рука дрожала сильнее, чем раньше. В её признании боролся моральный долг с животным страхом мести со стороны преступной группы.

— Зинаида, ты сейчас в безопасности! Тебе ничего не угрожает. — Он создавал для неё психологическое убежище, используя свой авторитет и спокойствие, чтобы регулировать её нервную систему.

— По крайней мере пока ты с нами! — Аврелия добавила свой голос, усиливая послание безопасности. Больничные стены, несмотря на все их недостатки, были крепостью, защищающей её от внешнего мира.

— Да! Всё верно! И тебе лучше рассказать для твоей же дальнейшей безопасности! — Он объяснил, что сотрудничество со следствием — это не предательство, а единственный способ гарантировать, что эти люди больше не смогут ей навредить.

— Я понимаю, ладно! Штаб у них находится в гараже на окраине города, вот адрес! И вот их всех номера телефонов! Их посадят? — Она написала всё, что знала, словно выплевывая яд. Её вопрос в конце был мольбой о справедливости и одновременно подтверждением того, что она осознает тяжесть содеянного.

— Да, будем на это надеяться! А что такое? — Елизар Елисеич заметил её колебание, ее внезапную паузу перед тем, как назвать имя. Его опыт подсказывал, что за этим скрывается эмоциональная привязанность, осложняющая дело.

— Я влюблена в одного из них! — Это была классическая, трагическая динамика созависимых отношений, где жертва защищает своего мучителя, принимая его эксплуатацию за любовь.

— Тогда теперь всё ясно почему ты покупала, потому, что тебе парень из я б даже сказал банды пацан нравился? Я правильно понял? — Это была не химическая тяга в чистом виде, а попытка купить привязанность и одобрение токсичного партнера.

— И это тоже! Я поэтому и не говорила потому, что не хотела, чтоб его посадили! — Она призналась в своей разрушительной лояльности. Её страх за него был сильнее страха за собственную жизнь и здоровье.

— Ты понимала, что он преступник? — Врач проверял степень её осознанности.

— Скажу так, я знала чем он занимается и знала, что за это сажают! — Она не была невинной жертвой обмана; она знала правила игры и сознательно их нарушала ради своих искаженных чувств.

— А сколько ему сейчас полных лет? — Елизар Елисеич перешел к юридической фактологии. Возраст дилера определял тяжесть статьи и подход следствия.

— Ему 18 лет! — Эта цифра означала, что он несет полную уголовную ответственность, и снисхождения за молодость не будет.

— Лет так 15 ему светит! Не меньше! — Врач назвал суровую реальность. Уголовного кодекса за сбыт несовершеннолетним. Это было не запугивание, а констатация факта.

— Ха, если не больше! Как зовут твоего очень плохого избранника? — Гриша не смог сдержать сарказма. Его защитная реакция на то, что эта девочка готова погубить себя ради преступника, вылилась в едкую иронию.

— Иисус! — Это имя прозвучало в тишине палаты как абсурдный анекдот. Сакральное имя, несущее идею спасения, было прикреплено к человеку, который её уничтожал.

— Ахахахахахахаха! Извини. — Гриша рассмеялся. Это был нервный, истерический смех, вызванный чудовищным когнитивным диссонансом. Он тут же прикрыл рот рукой, осознав неуместность своей реакции, но сдержать его было невозможно.

— Это пиздец! А отчество хоть нормальное? — Маска профессионализма слетела полностью. Гриша использовал ненормативную лексику, чтобы выразить степень своего ошеломления от этой сюрреалистичной ситуации.

— Илларионович! — Зинаида ответила тихо, понимая, насколько абсурдно это звучит.

— Господи, это конечно меня сейчас добило. А фамилия какая же? С таким именем и отчеством! — Гриша откинул голову назад, чувствуя, как реальность теряет свои очертания.

— Софронов! — Она добавила последний штрих к этому портрету.

— Это капец, получается Софронов Иисус Илларионович? — Гриша произнес полное имя вслух, и оно повисло в воздухе, тяжелое и нелепое.

— Да! — Она кивнула, ей было стыдно, но она не могла отрицать факты.

— И ты была готова с ним продолжить свою жизнь! — Гриша задал этот вопрос не для того, чтобы унижить, а чтобы нанести последний, отрезвляющий удар по её романтическим иллюзиям.

— Угу! — Её тихий ответ подтвердил глубину её заблуждений.

— И, что немаловажно родить от него детей? Ты понимаешь какое у детей будет отчество с таким именем отца! У мальчика Иисусович, а у девочки вообще

Иисусовна! — Он заставил её представить реальные, бытовые последствия её выбора, которые она в состоянии эйфории игнорировала. Абсурдность отчеств «Иисусович» и «Иисусовна» должна была разрушить романтический флер.

— Мда! — Зинаида замерла.

— Ты даже не задумывалась, а отчестве своих буду детей? — Гриша продолжил давить на эту точку, не давая ей возможности снова спрятаться в иллюзии.

— Нет, не думала! — Она честно призналась в своей неадекватности, свойственной её возрасту и состоянию измененного сознания.

— Мне казалось вы девушки об этом в первую очередь печетесь! — Гриша выдал общее, немного циничное наблюдение, подчеркивающее, насколько её случай выбивается из даже самых базовых социальных ожиданий.

— Походу не все! И я в их числе. — Зинаида слабо улыбнулась. Это была первая здоровая, самоироничная реакция за всё время разговора. Лед тронулся.

— А вас как зовут? — Она перевела взгляд на Елизара Елисеевича, ища безопасную, нейтральную тему для разговора, чтобы снизить напряжение.

— Меня Елизар! — Врач ответил спокойно, принимая эту смену темы как знак того, что пациентка начинает стабилизироваться психологически.

— Значит Елизарович и Елизаровна? — Она продолжила эту безопасную игру в грамматику, цепляясь за логику и порядок в мире, который только что рухнул.

— Да! — Елизар Елисеевич подтвердил с легкой, одобрительной улыбкой.

— А вас? — Она повернулась к Грише.

— Григорий! — Он ответил просто и с достоинством.

— Григорьевна и Григорьевич? — Она продолжила свой маленький ритуал возвращения к норме.

— Да правильно! — Гриша подтвердил, его голос стал мягче. Он видел, как эта простая беседа помогает ей заземлиться.

— Звучит! — Она кивнула, и в её голосе прозвучала легкая, почти детская удовлетворенность.

— Сейчас не беспокойся, чтобы хорошо усваивались препараты! — Елизар Елисеич мягко прервал эту беседу, возвращая фокус к медицинским процедурам.

— Постараюсь! — Зинаида согласилась, её сопротивление полностью исчезло.

— Так, я внес её данные можете проводить Зинаиду в палату и поставить ей капельницу с Глюкозо-солевым раствором! — Врач отдал четкое распоряжение, завершая этап первичного приема и передавая пациента в руки младшего, но уже доказавшего свою компетентность персонала.

— Хорошо, без проблем! Пошли! — Гриша взял Зинаиду под руку, его прикосновение было твердым и поддерживающим. Он вел её не просто в другую комнату, а на первый шаг её долгого пути к выздоровлению.

В палате атмосфера здесь была другой: более замкнутой, пропитанной запахом старого линолеума и чужой, застарелой тоски. Но для Зинаиды это было безопасное пространство.

— Ложись, капельницу поставлю! — Гриша говорил мягко, но уверенно, готовя систему. Его движения были плавными, чтобы не вызвать у неё новой паники.

— А не больно будет? — Её голос дрогнул. Старый страх всё ещё сидел в ней глубоко.

— Нет! — Гриша ответил абсолютно уверенно. И он не лгал. Его руки были золотыми.

Глава 83. Илья

— Здравствуйте! — Неожиданно из соседней кровати раздался мужской голос. Это был Илья, пациент, который наблюдал за этой сценой.

— Привет! — Гриша ответил ему, не прерывая работы с Зинаидой, демонстрируя свою многозадачность и спокойствие.

— Вы тут работаете? — Илья задал вопрос с искренним любопытством, разглядывая молодого, но такого уверенного парня в форме.

— Да, что-то случилось? — Гриша мгновенно переключил часть внимания на нового собеседника, сканируя его на наличие признаков дистресса или агрессии.

— Вы лучше с ним не разговаривайте, это у нас местный сумасшедший! — Это была защитная шутка, характерная для людей, долго находящихся в психиатрических отделениях.

— Ха, спасибо что сказал! — Гриша рассмеялся, оценив черный юмор пациента. Это был хороший знак: чувство юмора часто свидетельствует о сохранности критики к своему состоянию.

— Пожалуйста, я Илья! — Пациент представился, протягивая руку через пространство между кроватями.

— Приятно познакомиться я Григорий Геннадьевич! — Гриша назвал свое полное имя, устанавливая профессиональную, но уважительную дистанцию. Он не стал панибратствовать, но и не оттолкнул пациента.

— Меня можете не опасаться, меня скоро выписывают! — Илья поспешил заверить его в своей безопасности, понимая, что слово «сумасшедший» могло напугать молодого медработника.

— А, что с тобой было? — Гриша задал этот вопрос не из праздного любопытства, а как врач, собирающий анамнез. Его тон был спокойным и располагающим к откровению.

— Как и у всех, пробовал, потом началась какая-то аллергия! Я потерял сознание и потом я очнулся уже в больнице! — Илья рассказал свою историю с пугающей легкостью, минимизируя серьезность произошедшего.

— Тебе сказали спустя сколько времени ты очнулся? — Гриша задал ключевой, уточняющий вопрос. Его профессиональный инстинкт сразу же уловил нестыковку в рассказе Ильи.

— Да, сказали, что спустя 3 месяца! — Илья бросил эту фразу как бы между прочим, не понимая её чудовищного веса.

— То есть аж от этого ты впал в кому? — Гриша переспросил, и его голос стал тише, а взгляд — острее. Три месяца комы — это не «аллергия». Это тяжелое токсическое поражение мозга, длительный постельный режим, атрофия мышц и сложнейшая нейрореабилитация.

— Получается, что так и есть! А вы получается медбратом тут работаете? — Илья кивнул, наконец-то осознав, что его «проблемка» была куда серьезнее, и перевел тему на Гришу, возможно, чувствуя неловкость.

— Да, и не только Медбратом но и санитаром! — Гриша ответил честно, без ложного стыда. Для него не существовало «грязной» работы, если она помогала людям и давала ему средства к существованию.

— Это очень круто! То есть вы нам будете колоть уколы? — В его глазах Гриша превратился из просто медработника в человека, обладающего властью над болью и лечением.

— Не всегда! Когда будите не слушаться основных медсестёр! Только не надо если хотите, чтобы именно я пришёл к вам нарочно не слушаться медсестру! — Он установил четкие границы: он здесь, чтобы помогать, а не потакать манипуляциям. Но он сделал это так, что Илья не почувствовал себя отвергнутым, а скорее получил дружеское предупреждение.

— Ну, ладно! — Илья усмехнулся, принимая правила игры. Ему понравилась эта прямота.

— Держи, это мой номер телефона, звони если захочешь поболтать! — Илья протянул Грише смятый клочок бумаги. В условиях изоляции психиатрического отделения это был жест отчаянного желания сохранить связь с внешним, нормальным миром, олицетворением которого стал для него Гриша.

— Спасибо, а то с сумасшедшими уже не интересно! — Илья добавил это с горькой усмешкой, жалуясь на интеллектуальное и эмоциональное выгорание от постоянного общения с пациентами в остром психозе.

— Ахаха, одни и те же темы! — Он знал эту боль: монотонность бреда и галлюцинаций, которые повторяются изо дня в день, выматывают не меньше, чем физическая работа.

— Ну, да. Почти у всех галлюцинации и из-за этого зачастую не связанные слова! — Илья описал реальность отделения с пугающей точностью, демонстрируя, что, несмотря на свой диагноз, он сохраняет высокую степень критики к происходящему вокруг.

— Согласен! — Гриша коротко кивнул, подтверждая его наблюдения.

— Григорий Геннадьевич вы можете пожалуйста обезболить? — Илья внезапно сменил тон. Шутки закончились, и на его лице проступила гримаса боли. Его просьба была тихой, но в ней чувствовалось настоящее страдание.

— Да, конечно! Только ответь мне на вопрос, что именно и как у тебя болит? — Гриша мгновенно перешел в режим врача. Он не стал бежать за лекарством вслепую. Ему нужен был четкий симптом, чтобы понять этиологию боли и не пропустить опасное осложнение.

— Голова очень сильно прям пульсирует! — Илья описал характер боли. «Пульсирующая» головная боль у пациента, недавно вышедшего из трехмесячной комы, — это огромный красный флаг, указывающий на возможное повышение внутричерепного давления или сосудистые нарушения.

— Больше ничего не беспокоит? — Гриша задал проверяющий вопрос, исключая тошноту, рвоту или очаговую неврологическую симптоматику, которая потребовала бы немедленного вызова реанимации.

— Нет! — Илья покачал головой, подтверждая, что боль локализована.

— Ну хорошо! Сейчас вернусь! — Гриша кивнул, его лицо оставалось спокойным, хотя его мозг уже лихорадочно строил гипотезы. Он вышел из палаты, чтобы взять препарат.

— Спасибо, а то не дозовешься никого ещё и больно колют! — Илья крикнул ему вслед.

— У тебя есть телефон? Просто на сколько я помню и знаю у вас отбирают телефоны в психиатрическом отделении! Это же правда? — Гриша, уже у двери, задал этот практический вопрос.

— Да, к сожалению! Нам можно сделать звонок и только один в день! — Эта изоляция от внешнего мира часто усугубляет психическое состояние пациентов, лишая их последней опоры.

— Ужас! Ладно разберёмся на крайний случай можешь просить я подойду если в этот момент не буду занят! — Гриша пообещал ему свою личную поддержку, нарушая негласные правила субординации ради безопасности пациента.

— Хорошо, спасибо! Вы единственный медбрат-врач который относится к нам по человечески! — Илья сказал это с такой искренней, пронзительной благодарностью, что Гриша на секунду замер.

— Спасибо, я тоже начинаю это очень часто замечать! Сейчас приду обезболю! — Он действительно замечал этот системный сбой в эмпатии, и ему было больно от этого. Но он пообещал действовать.

— Спасибо, жду! — Илья откинулся на подушку, его лицо немного расслабилось от одной только уверенности, что помощь уже в пути.

— Вы с кем то подружились? — Голос Елизара Елисеича раздался за спиной Гриши, когда тот выходил из палаты.

— Да. — Гриша ответил коротко, не желая вдаваться в подробности.

— А с кем? — Врач настаивал, его профессиональная паранойя требовала ясности. В наркологии и психиатрии «дружба» с пациентом может быть чревата манипуляциями и нарушениями границ.

— С какой целью интересуетесь? — Гриша насторожился, его тон стал холодным и защищающим. Он не хотел, чтобы его искреннее желание помочь было истолковано как нарушение этики.

— Просто не со всеми здесь надо беседовать и уж тем более заводить дружбу! — Елизар Елисеич объяснил свою тревогу. Он знал, что некоторые пациенты обладают даром втираться в доверие к персоналу ради получения запрещенных веществ или поблажек. Он пытался защитить неопытного коллегу.

— С Ильёй. — Гриша назвал имя, готовый отстаивать свой выбор.

— С каким именно? Тут их несколько! — Врачу нужны были конкретные данные для проверки.

— Фамилию я не спрашивал, блондин и... — Гриша описал внешность, полагаясь на визуальную память, а не на бюрократические данные.

— Можешь не продолжать блондин у нас один, прям конкретный блондин или светло русые? — Елизар Елисеич мгновенно идентифицировал пациента по описанию. В его голове всплыло личное дело.

— Конкретный блондин, у него короткая стрижка! — Гриша уточнил деталь, подтверждая догадку врача.

— А, Парамонов! С ним можно, я его через пару дней выписываю из Наркологии! — Лицо врача расслабилось. Парамонов считался «благополучным» пациентом, идущим на поправку. Угрозы манипуляции не было.

— Не из больницы? А именно из Наркологии! — Уши Гриши, привыкшие к медицинским терминам, мгновенно уловили странную формулировку.

— Да, переводим в другое отделение! — Елизар Елисеич подтвердил это неохотно.

— Он мне это не говорил! — Гриша нахмурился. Почему пациент, с которым он только что говорил о выписке, умолчал о переводе в другое отделение?

— Он не хочет это признавать! — Врач объяснил психологический механизм отрицания. Пациент цеплялся за иллюзию скорой свободы, отказываясь верить в ухудшение своего состояния.

— Понятно, а по какой причине? И в какое отделение переводите? — Гриша потребовал фактов. Его тревога росла.

— Он же тебя попросил обезболить я правильно понимаю? Сужу по вашим действиям! — Он хотел, чтобы тот сам пришел к правильному выводу.

— Да! Он сказал, что у него болит голова! — Гриша подтвердил симптом, и пазл в его голове начал складываться в ужасающую картину.

— Ну, и вам не стало понятно куда мы его переводим! — Врач бросил ему этот вызов, проверяя, способен ли юноша связать «трехмесячную кому», «пульсирующую головную боль» и «перевод из наркологии» в единый диагноз.

— Боялся всё-таки в это поверить! — Гриша признался в этом с глухой болью. Он понял, куда ведут Илью, но его человеческая эмпатия сопротивлялась этому холодному медицинскому факту.

— Но, это к большому сожалению чистая правда! — Елизар Елисеич подтвердил его худшие опасения. Его голос был тихим и сочувствующим.

— Это нейрохирургия? — Гриша задал этот вопрос шепотом, как бы боясь произнести это вслух и тем самым сделать реальностью.

— Да, вот смотрите МРТ, если конечно вы в нём разбираетесь! — Врач жестом пригласил его к световому экрану или монитору. Это был акт высшего профессионального доверия. Он не обращался с ним как с ребенком, а как с равным, способным оценить тяжесть ситуации.

— Вы за кого меня принимаете! — В глазах Гриши вспыхнул огонь.

— Извините. — Елизар Елисеич слегка улыбнулся, признавая свою ошибку в оценке его знаний. Он видел перед собой не мальчика, а настоящего профессионала, закаленного жизнью.

Гриша вернулся в палату к Илье. Его лицо было спокойным, но внутри бушевал шторм. Он нес в себе тяжелое знание о судьбе этого парня, но его профессиональный долг требовал от него скрыть это и оказать помощь здесь и сейчас.

— Ещё раз привет! — Гриша вошел с той же легкой, ободряющей улыбкой, не выдавая своей внутренней тревоги.

— Ещё раз здравствуйте! Мне на живот лечь? — Илья задал практический вопрос, готовясь к процедуре.

— Для чего? — Гриша ответил игриво, поддерживая установленный между ними легкий тон, чтобы отвлечь пациента от боли и мрачных мыслей.

— Ну вы же в попу будете колоть? — Илья ответил с прямым, простодушным юмором, характерным для людей, которые ценят практическую сторону жизни выше приличий.

— Как тебе будет удобней! Укол будет внутримышечно... — Гриша профессионально принял этот вызов, давая пациенту иллюзию контроля над ситуацией, что является важным элементом психологической поддержки при болезненных манипуляциях. Он уже готовил шприц, его движения были выверены и спокойны.

— Я не люблю смотреть на то как мне колят поэтому всё-таки в попу колите! — Голос Ильи прозвучал с ноткой уязвимой, почти детской настойчивости. Его трипанофобия (страх игл) была классическим защитным механизмом: визуальный контакт с шприцем запускал у него вазовагальную реакцию, грозящую обмороком. Выбирая ягодичную область для инъекции, он искал способ избежать триггера, доверяя свою физическую неприкосновенность человеку, который уже доказал свою компетентность и мягкость.

— Без вопросов, ложись, поворачиваться! — Он не стал уговаривать или объяснять анатомические преимущества других зон. Его команда была короткой, но лишённой грубости — это был голос профессионала, который берёт контроль на себя, чтобы пациенту не пришлось тратить силы на принятие решений. Гриша уже готовил шприц, его движения были отточенными. — Тебя предупредить перед уколом? — Гриша знал, что внезапный укол вызывает мышечный спазм, который делает инъекцию болезненной. Предупреждение позволяло мозгу Ильи синхронизировать ожидание с моментом прокола, снижая болевое восприятие через контроль над ситуацией.

— А можно? — В психиатрических и наркологических отделениях пациенты привыкли к директивному, часто обезличенному обращению. Разрешение на участие в собственном лечении стало для него глотком свежего воздуха.

— Это даже нужно! Чтобы ты не дёрнулся. — Гриша ответил твёрдо, глядя ему прямо в глаза. Это слово было актом валидации: он подтверждал, что чувства и предпочтения Ильи важны и обоснованы.

— Хорошо! Давайте, колите! — Илья выдохнул, его плечи, до того сведённые от напряжения, чуть опустились. Он перевернулся на живот, пряча лицо в подушку. Это была поза покорности, но покорности осознанной.

— Глубокий вдох, ага, колю! — Гриша использовал классический приём дыхательной гейтинга. Глубокий вдох активирует парасимпатическую нервную систему, слегка притупляя

болевые рецепторы. Игла вошла быстро, под правильным углом, преодолевая сопротивление тканей почти безболезненно.

— Ага! — Илья дёрнулся, но не от боли, а от неожиданности. Его нервная система ожидала удара, но получила лишь лёгкое давление.

— Не больно? — Его тон был мягким, но внимательным. Он сканировал лицо Ильи, ища микровыражения, которые могли бы указать на повреждение нерва или начало аллергической реакции.

— Вообще не больно, как вы это делаете я не понимаю! — Илья поднял голову, его глаза были широко раскрыты от искреннего восхищения. Его мышцы окончательно расслабились, уступая место действию препарата.

— Ахахаха, спасибо! Зина, как вы? — Смех Гриши был коротким, но тёплым, снимающим остаточное напряжение в палате. Он мгновенно переключил фокус внимания на Зинаиду, демонстрируя свою многозадачность.

— Нормально, спасибо! — Кетопрофен начал действовать, отёк спадал, и она могла говорить без болезненных усилий. Однако в её глазах всё ещё плясали странные, лихорадочные огоньки — признак того, что её нервная система всё ещё находилась в состоянии острого стресса и токсического поражения.

— Отлично, уже заканчивается поэтому через 3 минутки подойду! — Гриша бегло оценил скорость инфузии в капельнице. Его мозг автоматически рассчитал время до конца раствора.

— Хорошо, спасибо! — Зинаида кивнула, её взгляд скользнул по удаляющейся фигуре Гриши. В этом взгляде было что-то липкое, нездоровое — признак начинающейся патологической привязанности или лекарственного делирия.

— Пожалуйста! — Его ум был занят следующими задачами: проверка карт, обход, сон (если повезёт).

Глава 84. Признание

Через 3 минуты время в больнице текло по своим законам. Три минуты были потрачены на проверку других пациентов, запись в журнале и глоток холодной воды. Гриша вернулся в палату с той же целеустремлённой походкой, которая не терпит задержек.

— Давай сниму капельницу! — Он подошёл к стойке, его пальцы ловко пережали трубку, чтобы предотвратить попадание воздуха и потерю крови.

— Да, пожалуйста! — Зинаида протянула руку. Её кожа была бледной, но уже не такой отёчной. Она смотрела на Гришу не как на медика, а как на объект своей внезапно проснувшейся, болезненной фиксации.

— Рука не болит? — Гриша аккуратно извлёк катетер, прижав место прокола сухим стерильным шариком. Он задавал этот вопрос, проверяя наличие флебита или инфильтрации.

— Нет! — Она хотела, чтобы он дольше держал её за руку, но Гриша, увлечённый клинической оценкой, этого не заметил.

— Отлично, всё. — Он отпустил её руку, выбросил использованный катетер в контейнер для острых предметов и снял перчатки. Процедура была завершена, протокол выполнен. Он уже мысленно переходил к следующему пункту списка дел.

— Спасибо, у меня к вам вопрос! — Голос Зинаиды вдруг стал другим. В нём исчезла сонливость, появилась странная, напористая интонация. Это был классический признак рас торможения лобных долей, которое часто возникает при выведении опиоидов из организма.

— Пожалуйста, какой вопрос у вас ко мне? — Гриша остановился, его профессиональная интуиция тут же уловила изменение в её тоне.

— У вас есть девушка? — Вопрос повис в воздухе, нарушая все границы врачебной этики и субординации. Зинаида смотрела на него широко раскрытыми глазами, в которых не было ни стыда, ни смущения. Это был не флирт, это был симптом.

— Есть, девушка у меня есть. А, что? — Гриша ответил честно, но его брови слегка сдвинулись. Он пытался понять логику этого вопроса.

— Я вас люблю! — Эта фраза упала в тишину палаты, как разорвавшаяся граната. Зинаида произнесла её с пугающей, абсолютной искренностью.

— Вы в меня влюбились? — Гриша переспросил, его голос стал тише. Он не хотел повышать тон, чтобы не спровоцировать агрессию или истерику.

— Да! — Она кивнула, и в этом кивке была вся сила её заблуждения. Она была уверена в своих чувствах настолько, что это вызывало у Гриши холодный ужас.

— Я сейчас вернусь! — Гриша произнёс это быстро, почти выпалил.

— Григорий Геннадьевич у вас, что-то случилось? Вы сейчас сам не свой, что произошло? Вас кто-то обидел или задел? — Елизар Елисеич, стоявший у поста медсестёр, мгновенно считал его состояние. Опытный нарколог видел не просто расстроенного подростка, а человека, столкнувшегося с профессиональным стрессом. Его голос был мягким, отеческим.

— Приплыли! — Он чувствовал себя так, будто его личное пространство грубо взломали.

— Что? — Елизар Елисеич нахмурился, его профессиональное любопытство взяло верх.

— Она в меня влюбилась, по крайней мере она сейчас мне так сказала! — Гриша произнёс это с горькой усмешкой. Он не знал, плакать ему или смеяться.

— Так как она сейчас после капельницы, вколите ей сейчас Сибазон я думаю вы понимаете, что это за препарат! — Он не стал удивляться или читать мораль. Он увидел проблему и предложил стандартное фармакологическое решение. Сибазон это бензодиазепиновый транквилизатор, который снимет тревогу, расторможенность и даст пациентке необходимый сон для восстановления нейронных связей.

— Да, знаю! — Гриша кивнул.

— Может это эффект от вывода Морфина, она проспится и не будет нести этот полный бред сумасшедшего! — Елизар Елисеич попытался рационализировать ситуацию, чтобы Гриша не принимал это на свой счёт. Он объяснял это биохимией: дофаминовая и серотониновая системы пациентки сейчас работали в хаотичном режиме. «Бред сумасшедшего» был не её личным выбором, а криком повреждённого мозга.

— Хорошо, сейчас пойду наберу и потом ей вколю! — Гриша принял этот план действий. Его мозг переключился из режима шока в режим исполнения. Он уже мысленно рассчитывал дозировку: учитывая её вес и возраст, нужно было ввести минимальную, но эффективную дозу, чтобы не угнетать дыхание.

— Потому, что у нас в Наркологии частенько такой бред несут, а наши девочки Медсёстры в этот бред верят потом когда мальчики уже в хорошем состоянии и выписываются и даже не помнят какой бред они наговорили нашим медсёстрам! А они потом убиваются! — Голос Елизара Елисеевича стал тише, почти шёпотом. В этих словах была вся боль и цинизм профессии.

— Если даже так, то может ток и есть, ну я пойду вколю! — Гриша ответил с лёгкой, горькой усмешкой. Он понял намёк врача.

— Идите! — Елизар Елисеич кивнул, отпуская его. Он видел, что парень справится.

Глава 87. На экране неизвестный номер.

— Здравствуйте! — Голос Али прозвучал ровно, но с ноткой усталости.

— Здравствуйте. звоню по поводу трёхкомнатной квартиры, ещё сдаете? — Голос на том конце провода был женским, слегка запыхавшимся, но полным надежды.

— Да, сдаю! Цена указана! — Али ответил чётко, не желая вступать в долгие прелюдии. Он знал, что квартира в хорошем районе, и цена была адекватной.

— Возможен заезд завтра? — Женщина не стала торговаться. Её вопрос был продиктован острой необходимостью: скорее всего, их выгнали с предыдущей съёмной квартиры, или они бежали от каких-то проблем.

— Да, конечно! — Али согласился мгновенно. Ему нужны были деньги для Гриши и Алексея, и чем быстрее заедут жильцы, тем быстрее пойдёт оплата.

— Спасибо огромное, а то никак не можем уже почти 3 месяца найти подходящую для нашей большой семьи! — В её голосе прорвалось искреннее облегчение.

— Позвольте пожалуйста узнать сколько в кваре планируют проживать людей? — Ему нужно было понять, выдержит ли квартира такую нагрузку, и не превратится ли она в разрушенный хлев через месяц.

— Взрослых 3 и 4 детей. — Али моргнул, его мозг попытался визуализировать эту толпу в его трёхкомнатной квартире, которая и так не была огромной.

— Эээ, и как вы это представляете? И сколько детям лет? — Али не смог скрыть своего шока. Его голос дрогнул, выдавая смятение. Он пытался понять логику: как семь человек могут ужиться в трёх комнатах, не убив друг друга. Возраст детей был важен для понимания уровня шума и необходимости инфраструктуры.

— Девочка 2 года, мальчик 5 лет, и двойняшки им по 12 лет! — Женщина перечислила состав с гордостью, не замечая (или игнорируя) шок Али. Двойняшки-подростки, дошкольники и малыш — это не просто дети, это целая демографическая группа со своими потребностями, шумом и хаосом.

— Так, и как вы разместитесь? А из взрослых кто? — Ему нужно было услышать план расселения, чтобы убедиться, что они не собираются спать в ванной.

— Я мать, отец семейства, мать моего мужа! — Женщина перечислила взрослых. Три поколения под одной крышей.

— Вопрос остаётся открытым! — Али настаивал. Ему не давала покоя мысль о физическом пространстве. Где они будут есть? Где дети будут делать уроки? Его голос стал суше, требуя конкретики.

— Я с мужем в одной! Наша бабушка с младшими во второй, и двойняшки с третьей! — Женщина чётко, как по нотам, озвучила план. Он был жёстким, компромиссным, но единственно возможным.

— Допустим, заезжайте хоть сегодня! — Али сдался. Логика женщины была безупречной в своей безысходности. Он понял, что они будут беречь каждый сантиметр квартиры, потому что для них это не просто жильё, а спасение. Его тон смягчился, уступая место человеческому сочувствию.

— Даже так? Большое вам спасибо, через пару часов будем на месте, до встречи! — Радость в её голосе была почти физической.

— Да, хорошо, жду! — Али положил трубку и тяжело выдохнул. Он смотрел в окно, представляя, как через пару часов его тихая, пустая квартира наполнится детским криком, запахом готовки и хаосом. Но он знал, что это лучше, чем пустота.

Глава 85. Наркология

Вернулся в Наркологическую палату Гриша вошёл, держа в руке готовый шприц с Сибазоном. Его лицо было спокойным, но в глазах читалась решимость. Он был готов к сопротивлению, но не собирался отступать. Палата встретила его тишиной, нарушаемой лишь тихим сопением Ильи.

— Отвернись, тебе надо вколоть Сибазон* — Его голос был твёрдым, не допускающим возражений. Он не стал объяснять, зачем это нужно, он просто констатировал факт.

— Я не хочу! — Зинаида мгновенно напряглась. Её параноидальные мысли, подстёгиваемые абстиненцией, увидели в шприце угрозу. Она дёрнулась, её хороший глаз расширился от страха. Это была классическая реакция отказа, когда пациент не понимает цели вмешательства.

— Тебе надо проспаться! Отдохнуть! — Гриша не стал повышать голос. Он использовал технику мягкого принуждения.

— Зачем? — Её мозг, отравленный морфином и собственными иллюзиями, не понимал концепции «отдыха» от собственных мыслей.

— Чтобы не нести этот бред! — Гриша ответил прямо, почти грубо. Он не стал подбирать эвфемизмы. Он назвал вещи своими именами, пытаясь пробиться сквозь туман её делирия.

— Это не бред, я вас люблю! — Она выпалила это снова.

— НЕТ, Зин это полный бред, между нами ничего не может быть во первых я младше тебя и не важно, что я старше выгляжу. — Гриша отрезал, его голос стал жёстким. Он разрушал её иллюзию с хирургической точностью. Он указал на биологический и юридический факт: он только что совершеннолетний), а она — пациентка.

— Ну вот и посмотрим, что ты утром скажешь! — Зинаида упрямо сжала губы. Её упрямство было симптомом. Она не слышала его аргументов, она слышала только то, что хотела слышать. Она верила, что утро принесёт ей доказательство его любви, и это давало ей силы сопротивляться уколу.

— Здравствуйте! — Голос Ильи раздался из соседней кровати.

— Привет! Ты кстати мне не правильно сказал! — Гриша повернулся к Илье, его тон мгновенно сменился с медицинского на дружеский, но с ноткой укоризны.

— Вы о чём? Я не понимаю. — Илья моргнул, его лицо выразило недоумение. Он не понимал, о какой ошибке идёт речь. Его мозг, ослабленный после комы, плохо обрабатывал многозначные намёки.

— Тебя же не выписывают! — Гриша произнёс это чётко, глядя ему прямо в глаза. Он не стал смягчать удар. Он знал, что Илья должен знать правду, чтобы не строить ложных надежд.

— А, вы про это!?! — Илья замер. Его лицо побледнело. Он понял, о чём речь. Его попытка скрыть правду от себя и от Гриши провалилась.

— Да! Тебя да выписывают из этого отделения, но тебя переводят в другое, тебя переводят в нейрохирургию! — Гриша подтвердил его худшие опасения. Он произнёс слово «нейрохирургия» с особым весом. Это было не просто другое отделение, это была другая реальность, где решаются вопросы жизни и смерти, и где страхи пациентов совсем другие.

— Откуда вы это всё узнали? — Илья спросил это тихо, его голос дрогнул. Он не хотел, чтобы его жалели. Ему было важно понять, как его тайна стала известна, и не осуждают ли его за это.

— Коллега рассказал! — Он не хотел нагружать Илью своими профессиональными интригами. Ему важно было донести суть: ты не один, мы знаем, мы рядом.

— Да, к большому сожалению это всё правда! Вы знаете, что у меня нашли? — Илья кивнул, его взгляд упал на пол. Он устал прятаться. Ему нужно было проговорить свой диагноз вслух, чтобы он перестал быть монстром в его голове.

— Да, кисту головного мозга! — Гриша назвал диагноз ровным тоном. Для него это была не сенсация, а клиническая картина. Он знал, что кисты бывают разными, и не все из них требуют трепанации, но сам факт её наличия был достаточным для перевода.

— К сожалению! Я больше всего боюсь не операции, а то что меня должны будут побрить налысо! — Илья признался в этом с такой детской, пронзительной болью, что у Гриши сжалось сердце. Для пятнадцатилетнего парня, пережившего кому, потеря волос была равносильна потере идентичности. Страх операции был абстрактным, а страх быть «лысым уродом» — конкретным и невыносимым. Это был крик о сохранении своего «Я».

— Зачем? — Гриша задал этот вопрос, хотя знал ответ.

— Мне сказали им так будет легче! — Илья ответил с горечью. Он повторял слова медсестёр или врачей, которые не подумали о том, как это звучит для подростка. Для них это была гигиена и удобство доступа, для него — унижение.

— Хочешь я с ним поговорю? — Гриша предложил это без колебаний. Он понимал, что его авторитет как «местного» медика, который уже завоевал доверие нейрохирургов (или хотя бы персонала), может сработать. Он был готов стать адвокатом Ильи в этом маленьком, но важном вопросе.

— А вы сможете поговорить? — В глазах Ильи вспыхнула надежда.

— Очень постараюсь, правда! — Гриша кивнул, его голос был твёрдым. Он не обещал чуда, но обещал борьбу. Он знал, что современные методы позволяют делать разрезы без полного бритья, и он готов был пойти к заведующему и доказывать это. Илья крепко обнял Гришу.

— Спасибо огромное вам! — Илья прошептал это, его голос был глухим от слёз. Для него это было больше, чем просто обещание не брить его.

— Пожалуйста! Может хочешь помочь? — Гриша мягко отстранился, возвращая его в реальность. Он не стал утешать его долгими речами, он дал ему задачу. Помощь в уколе Зинаиды была способом отвлечься, почувствовать себя нужным и сильным, а не беспомощным пациентом.

— Могу, что надо делать? — Илья мгновенно ухватился за это предложение.

— Держи, чтобы не дёрнулась? — Гриша передал ему ответственность за фиксацию руки Зинаиды. Это был тонкий психологический ход: Илья, как «старший» и более опытный пациент (несмотря на возраст), брал на себя роль ассистента, что повышало его статус в собственных глазах.

— Без проблем! Зин, поворачивайся по хорошему! — Его голос стал строгим, почти командным. Он использовал свой авторитет «местного», чтобы усовестить Зинаиду. Он не собирался нянчиться с её капризами, у него самого были проблемы, и он не терпел неуважения к Грише.

— Илья, правильно? — Зинаида посмотрела на него, её брови сдвинулись. Она пыталась вспомнить, кто он, но её мозг, затуманенный Сибазоном.

— Да, правильно! И я тебя сейчас не буду поддерживать. Если ты хотела меня об этом попросить, я полностью согласен с Григорием Генадьевичем! Поворачивайся! — Он чётко обозначил границы: он на стороне врача, и её бред здесь не пройдёт.

— Вас не переубедить! Да? — Зинаида усмехнулась, но в её усмешке была уже не наглость, а обречённость. Она поняла, что попала в окружение. Её попытка манипуляции провалилась.

— А ты считаешь, что мы не правы? — Гриша задал этот вопрос, используя технику когнитивно-поведенческой терапии. Он давал ей возможность аргументировать свою позицию, зная, что логически она не сможет этого сделать.

— Да! — Она ответила упрямо, но в её голосе уже не было той железной уверенности.

— Объясни свою точку зрения? — Он загонял её в логический тупик, заставляя её мозг работать, чтобы сформулировать бред в виде связного текста, что для неё сейчас было невозможно.

— Я не понимаю почему вы думаете, что это бред и как я понию вы хотите меня успокоить, просто знайте, что я вам это докажу! — Она выпалила это, её речь стала сбивчивой. Она чувствовала, что её логика рассыпается, но она цеплялась за свою иллюзию.

— Докажешь после того как поспишь! Поворачивайся!!! — Гриша повысил голос, его терпение иссякло. Он использовал командный тон, который не оставляет места для дискуссий.

— Ладно, колите! — Зинаида сдалась.

— Вдох!..... Не больно? — Гриша действовал быстро. Илья крепко держал её руку, не давая дёрнуться. Игла вошла точно в мышцу. Гриша ввёл препарат медленно, чтобы избежать болезненного ощущения распираания.

— Нет, спасибо! — Зинаида ответила сонно. Сибазон начал действовать. Её веки тяжелели, мышцы расслаблялись. Бред отступал, уступая место чёрной, спасительной пустоте сна.

— Спи! — Гриша произнёс это шёпотом, как заклинание. Он наблюдал, как её дыхание выравнивается, становясь глубоким и ровным.

— Вы сейчас куда? — Илья отпустил её руку и посмотрел на Гришу.

— Если опять никуда не вызовут то к сыну! А точнее надо за препаратами съездить домой! — Гриша ответил честно. Упоминание «сына» (Алексея) было его якорем. Ему нужно было вернуться в реальность, где он не врач, а отец и брат.

— А вам можно выходить из больницы? — Илья задал этот вопрос с тревогой. Он знал, что в больницах строгие правила, и ему не хотелось, чтобы Гришу ругали или наказывали за то, что он помог ему.

— А почему нет? Я не пациент какого-то из этих отделений! — Гриша усмехнулся.

— Это-то да! Но бывает же такое, что заключают договор или контракт и тогда нельзя отлучаться с работы!? — Илья настаивал, его логика была проста: если ты работаешь, ты привязан к месту.

— В теории да, но настолько строго как ты мне сейчас рассказал такого я не встречал, да безусловно бывает, что заключают договор или контракт. Но чтобы при этом нельзя было аж выходить на улицу ещё раз повторюсь я такого не встречал! — Гриша ответил устало. Он понимал, что Илья пытается заботиться о нём, как может.

— Понятно, до встречи надеюсь, что ещё увидимся! — Илья кивнул, его голос стал тише. Он понял, что Гриша знает, что делает. Ему оставалось только надеяться, что их пути пересекутся снова, и что Гриша не исчезнет из его жизни так же внезапно, как и появился.

— Да! Никуда ты от меня не денешься! — Гриша ответил с тёплой усмешкой. Это было обещание. Он не бросал своих пациентов, особенно тех, кто доверился ему так полностью, как Илья.

Глава 89. Гриша жалуется Адриану или вызов к Никаэлю но она его всё равно бросила

Гриша заходит в свою палату атмосфера здесь была совершенно другой. Это было его личное пространство, его крепость. Запах детских присыпок и тёплого молока смешивался с запахом лекарств. Адриан сидел на кровати, играя с Алексеем, который мирно сопел.

— Привет, закончил? — Адриан поднял глаза, его лицо просветлело. Он видел, как Гриша устал, но старался не показывать этого. Он хотел узнать, чем закончилась его авантюра с Зинаидой.

— Да уж, закончил, вот угадай какой она сейчас полный бред мне сказала? — Гриша сбросил халат, его голос был полон горькой иронии.

— Ты про ту которую с проколотым языком привезли? — Адриан нахмурился, вспоминая. Он слышал об этой пациентке от медсестёр.

— Да, она, но у неё ещё и в крови был найден Морфин! — Гриша произнёс это с глухим ужасом. Для него морфин был не просто словом, это был символ смерти, который он видел в записях отца.

— Морфин? Если я не ошибаюсь! — Адриан моргнул, его мозг попытался сопоставить образ хрупкой девочки с тяжёлым опиоидом.

— Да, ты не ошибаешься. А она отделалась просто побочкой, а я тебе уже говорил, что могло произойти! Проблемы с сосудами с сердцем и Астма могла возникнуть! — Гриша выплеснул свою медицинскую ярость. Он перечислял патологии, как будто пытался оправдать своё возмущение. Его руки дрожали, не от страха, а от адреналина. Он видел, как легко эта девочка могла стать ещё одним трупом в его статистике.

— Да, ты говорил, я в шоке. ну дураков и дур очень много к сожалению! Так, что на счёт того, что она тебе не побоюсь сказать наплела! — Адриан кивнул, разделяя его шок. Он перевёл тему на личное, чувствуя, что Грише нужно не только выплеснуть профессиональное, но и личное.

— Рассказываю, я ей сначала вколол Кетопрофен* чтобы снизить отёк языка потому, что мы с ней разговаривали так, я задавал ей вопросы, а она писала на своём телефоне ответы на мои вопросы, так вот потом я поставил ей капельницу уже в наркологической палате и после капельницы начался полный бред! Она мне сказала, что влюбилась в меня и соответственно любит меня! — Гриша рассказал это с таким выражением лица, будто ему пришлось пережить самую нелепую пытку. Он не мог поверить, что его забота была интерпретирована таким образом.

— И, что потом? — Адриан затаил дыхание.

— Я ей вколол Сибазон* пусть проспится, и не несёт этот бред! — Гриша ответил с мрачным удовлетворением. Для него это было единственным правильным решением.

— А, что это за препарат? Расскажи пожалуйста! — Адриан задал этот вопрос с искренним любопытством. Он хотел понять, как работает медицина изнутри, как Гриша управляет такими ситуациями.

— Это укол успокоительного! — Гриша ответил просто, не вдаваясь в фармакокинетику бензодиазепинов. Ему нужно было, чтобы Адриан понял суть: он просто усыпил её бред.

— То есть она сейчас уснула? — Он представил себе спящую Зинаиду и почувствовал облегчение. Проблема была решена, по крайней мере, до утра.

— Да, надеюсь она отойдет и этот бред не продолжится! — Гриша вздохнул, его плечи опустились. Он надеялся, что это был просто химический сбой, а не начало психоза. Ему не хотелось думать, что он стал причиной чьей-то одержимости.

— Ахахахаха, надейся! — Адриан рассмеялся. Это был смех облегчения. Ситуация была настолько абсурдной, что смех был единственной адекватной реакцией. Он обнял Гришу за плечи, давая ему понять, что они прошли через это вместе.

— Мне сейчас надо все препараты забрать из квартиры сможешь пожалуйста ещё посидеть с Алексеем немного пока я езжу за препаратами? — Гриша мгновенно переключился в режим логистики. Ему нужно было обеспечить свою биохимическую стабильность. Без своих препаратов он не смог бы работать, а без работы они не выживут. Он просил Адриана не из вежливости, а из крайней необходимости.

— Да! Конечно я же у тебя остаюсь, буду сидеть сколько понадобится! А как Никаэла? Вы с ней очень редко видите, да? — Адриан ответил без колебаний. Для него это было не

одолжение, а долг. Он знал, что Гриша держит на себе весь мир, и он хотел хотя бы немного разгрузить его. Его взгляд скользнул на Алексея, и в нём появилась тихая нежность.

— Спасибо! Да, а если быть точнее она не была даже похоромах матери. Я думаю мы отдаляемся. — Гриша кивнул, его движения стали резкими и целеустремлёнными.

— Ты можешь сам себе сказать, почему так происходит? — Голос Адриана прозвучал тихо, но с той же пронизательной мягкостью, которая свойственна людям, вынужденным рано повзрослеть из-за собственных болезней. Он сидел на краю кровати, его взгляд был сосредоточен на Грише, сканируя не просто лицо друга, а ту невидимую броню, которую тот носил круглосуточно. Вопрос был не праздным любопытством, а попыткой когнитивного вскрытия: Адриан видел, как Гриша тащит на себе непосильный груз, и пытался понять, осознаёт ли его друг, что его личная жизнь разрушается под весом этой гиперответственности.

— Нууу, как это не было печально, она знает что на моих плечах полная ответственность за больным братом, и возможно она боится ответственности. И к сожалению на данный момент нас связывает хоть и редкий но прекрасный секс. — Он защитный механизм, позволяющий препарировать собственные чувства как клинический случай, чтобы не чувствовать боли. Упоминание «больного брата» (которого он юридически и морально принял как сына) было тем же якорем, который тянул его на дно, и он прекрасно понимал, что Никаэла, девушка с нормальной, живой жизнью, просто не готова тонуть вместе с ним.

— Грустно, вы такая красивая пара. — Адриан выдохнул это с искренней печалью. Для него, со стороны, они выглядели как идеал: красивая армянская девушка и серьёзный, не по годам взрослый парень. Но Адриан знал цену этой «красоте». В его тоне звучало сочувствие к тому невидимому разрыву, который происходит, когда один партнёр живёт в мире планов и мечт, а второй — в мире капельниц, судебных опекунов и борьбы за выживание.

— Впрочем, я как в воду глядел. Тогда 1 год назад я сказал её отцу, что если мы и расстанемся, то она меня бросит а не я. — В голосе Гриши прозвучала та же пугающая, холодная прозорливость. Три года назад ему было около пятнадцати, но он уже тогда, сидя напротив строгого армянского отца, понимал масштаб своей ноши. Это был не подростковый бунт, а акт глубокого уважения и взрослой честности: он предупреждал семью девушки, что его путь усыпан осколками, и он не имеет права требовать от неё жертв.

— Ты хочешь сказать что она не порядочная? И способна бросить молодого человека в трудностях ещё и с ребёнком? Армяне насколько мне известно достаточно порядочные люди. — Адриан нахмурился, его культурные и моральные установки вступили в конфликт с реальностью Гриши. Для Адриана концепция того, что девушка может бросить парня, который в одиночку растит младенца и работает на износ, казалась дикой, особенно в контексте традиционных кавказских ценностей, где семья и поддержка в беде являются священными понятиями.

— Вот и посмотрим. — Его челюсть сжалась, фиксируя решение не цепляться за то, что уходит. Он был готов к худшему сценарию, потому что в его жизни, где смерть и болезни стали рутиной, предательство или уход любимого человека казались лишь ещё одной переменной в уравнении выживания, которую нужно было просто пережить. Тут раздаётся резкий звонок в короткой паузе. Гриша смотрит а на телефоне высветилось Никаэлочка любимая. Гриша ухмыльнулся и сказал:

— Вот чувствует же, что мы её обсуждаем. — Голос Гриши прозвучал с ноткой мрачного юмора. Он поднял телефон, его большой палец завис над зелёной кнопкой. Эта фраза была способом сбросить накопившееся напряжение, перевести тяжёлый психологический разбор в плоскость бытовой мистики. Он глубоко вдохнул, готовясь надеть маску.

— Мда, ну ответь. И поставь на громкую, мне интересно. — Адриан подался вперёд, его любопытство и тревога за друга взяли верх над тактичностью. Ему нужно было услышать её тон, чтобы понять, подтвердятся ли худшие опасения Гриши или всё это лишь паранойя уставшего человека. Он скрестил руки на груди, его взгляд стал внимательным.

— Алло, привет. — Гриша нажал на динамик, его голос мгновенно стал мягче, теплее, но в нём всё ещё звучала та же настороженность.

— Приветик, я тебя не отвлекаю? Ты на работе? Мне кажется ты уже там живёшь. — Голос Никаэлы из динамика прозвучал слегка рассеянно, с той же интонацией, которая выдавала её отстранённость.

— В принципе так и есть, у тебя всё хорошо? Ты мне очень редко звонишь, и мы редко встречаемся. Можешь это как то объяснить? — В её тоне не было тоски по нему, только лёгкое, фоновое раздражение от того, что её парень больше принадлежит больничным стенам, чем ей. Гриша слушал это, и его сердце сжалось от тихой, ноющей боли

— У меня да, а вот с младшим беда какая — то, родители уже на 3 дежурстве и сказали чтобы я тебе звонила, чтобы их не отвлекать. Да, они мне сказали дать сироп, раздеть чтобы начала спадать температура но увы... Можешь пожалуйста приехать, у братишки уже почти сорок температура, мы уже и форточку открыли и проветрили полностью комнату, я не знаю что делать!? Пожалуйста приезжай я молю тебя! — И Гриша услышал как по ту сторону трубки Никаэла плачет. И зная как в раннем возрасте шатко здоровье младенца, сжалился над ней и сказал:

— Я приеду буду через 20 минут. Я спишусь с Гамалем, чтобы он был в курсе манипуляций с его сыном. — Он не стал утешать её пустыми словами, он дал ей чёткий алгоритм и временной ориентир, который мгновенно снизил уровень её паники. Он уже мысленно просчитывал маршрут и список препаратов, которые нужно захватить с собой из больничной аптеки.

— Да конечно, спасибо огромное, ждём тебя. — Она выдохнула, и в этом выдохе было всё: и страх за брата, и благодарность, и то же чувство вины, которое она, возможно, испытывала, понимая, что звонит ему только тогда, когда ей нужна его профессиональная помощь. Её зависимость от его навыков сейчас была абсолютной, и это осознание тяжёлым грузом легло на её плечи.

— Да, люблю, целую. — Никаэла молча выключила звонок. — Скорее всего она меня сегодня бросит, я это чувствую, прошу посиди с Алексеем, умеешь разводить смесь, или показать? — Он стоял у двери палаты, его рука уже лежала на ручке, готовая открыть её и шагнуть в холодный коридор, ведущий к машине. Предчувствие разрыва было не просто интуицией — это было физическое ощущение, похожее на то, как перед приступом стенокардии сжимается грудная клетка. Его мозг, истощённый днями непрерывной работы и эмоционального напряжения, не мог больше обрабатывать личные драмы, но сердце отказывалось принимать этот факт. Просьба посидеть с Алексеем была не просто практической необходимостью — это был акт передачи доверия, который он мог позволить себе только одному человеку на свете.

— Тааак, ну бутылочку надо прокипятить, потом насыпать 2 мерных ложки смеси в бутылочку и залить тёплой водой и потрясти. — Он не стал отшучиваться или преуменьшать значимость задачи. Его мозг мгновенно активировал все знания из собственного опыта жизни в больничных стенах. Перечисление шагов — стерилизация, точная дозировка, температурный режим — было не просто инструкцией, а клятвой верности.

— Как проверить температуру смеси? Знаешь? — Гриша задал этот вопрос с той же педантичной тщательностью, которая была свойственна всем его действиям, когда речь шла о безопасности Алексея.

— Налить чуть на запястье? — Адриан ответил быстро, почти рефлекторно. Он знал, что кожа запястья тонкая и чувствительная, и именно там можно точно определить, не обожжёт ли смесь нежное нёбо младенца. В его голосе не было сомнения, только тихая уверенность человека, который прошёл эту школу жизни вместе с другом.

— Да, всё верно. Я могу быть спокоен, Алексей в надёжных руках. — Гриша выдохнул, и в этом выдохе было всё: и облегчение, и благодарность, и та же тихая, почти физическая боль от необходимости уезжать. Его плечи наконец опустились, выпуская часть невидимого

напряжения. Фраза «Алексей в надёжных руках» была не просто констатацией факта — это была клятва, данная не только Адриану, но и самому себе: я не ошибся в выборе, я доверил самое дорогое тому, кто не подведёт.

— Хорошо! — Адриан кивнул, устраиваясь поудобнее.

Гриша звонит Али набирая номер, Гриша чувствовал, как усталость наваливается на него. Ему нужно было координировать действия, он не мог позволить себе хаос.

— Привет! — Голос Гриши прозвучал устало, но деловито. Он не стал спрашивать, как дела, он сразу перешёл к сути.

— Привет! Если ты по поводу... — Али начал говорить, но Гриша перебил его.

— Я по поводу квартиры, ты ещё не сдал её ещё? — Гриша задал этот вопрос с тревогой. Ему нужно было попасть туда, и он боялся, что опоздал.

— Сдал, завтра заезжают, ну или сегодня! — Али ответил, его голос дрогнул. Он чувствовал себя виноватым, что не согласовал это с Гришей.

— Так сегодня или завтра? — Гриша нахмурился. Ему нужна была точность. Его мозг не мог работать в условиях неопределённости.

— Эээ, ой сегодня! — Али спохватился, его голос стал виноватым.

— Я сейчас подъеду мне надо забрать препараты! А кто будет проживать ты знаешь? — Гриша принял это к сведению. Ему нужно было проскочить между их приездом и своим отъездом. Он спросил про жильцов, чтобы понять, с кем ему придётся столкнуться.

— Да, Взрослых 3 и 4 детей: Девочка 2 года, мальчик 5 лет, и двойняшки им по 12 лет! Хорошо подъезжай заодно познакомишься с ними! — Он всё ещё не мог поверить, что эти люди готовы жить в такой тесноте. Он пригласил Гришу познакомиться, чувствуя, что ему нужна поддержка друга в этой странной ситуации.

— Окей, я должен заехать к Никаэле, брат заболел, а родители на работе. Потом к тебе. — клиническим обоснованием необходимости его вмешательства: родители-медики на дежурстве, младенец с гиперпирексией (40° C) без присмотра, и он — единственный, кто может купировать это состояние до приезда скорой или до возвращения родителей. Его мозг уже мысленно собирал аптечку: парацетамол в свечах (для быстрого всасывания и отсутствия рвотного рефлекса), возможно, литическая смесь (анальгин + димедрол + папаверин) для быстрого снижения температуры, если пероральные препараты не сработают.

— Окей. — Он уже мысленно настраивался на долгую ночь с Алексеем: кормление по часам, смена подгузников, возможно, ночной плач и укачивания. Гриша быстро оделся забежал в ПК взял необходимые препараты отметив их в компьютере чтобы не было проблем и выбежал из больницы и ещё через 20 минут был около двери квартиры Никаэлы. Он нажал кнопку звонка ему открыла Амалия:

— Здравствуй Гриш, проходи. Ника в той комнате. — Это был голос человека, для которого сейчас существовал только один приоритет — больной младенец в соседней комнате. Воздух в прихожей был тяжёлым, пропитанным запахом детских лекарств, тревоги и того специфического, липкого страха, который появляется в домах, где маленький ребёнок борется с высокой температурой.

— Спасибо, сейчас помою руки и приду. — Его мозг работал в режиме строгого медицинского протокола: контакт с больным ребёнком требует соблюдения асептики, чтобы не занести дополнительную инфекцию и не ухудшить состояние.

— Хорошо, ты сможешь помочь Алану? — Вопрос прозвучал с той же надрывной надеждой, которая звучит в голосах родителей и родственников, когда они видят, что их собственные силы на исходе. В нём не было сомнения в компетентности Гриши — было отчаянное желание услышать подтверждение, что этот молодой человек, который уже не раз спасал их семью в подобных ситуациях, и сейчас не подведёт.

— Я принёс ректальные свечи, если они не помогут. То придётся колоть литичку. Со всеми остальными всё хорошо? — Упоминание ректальных свечей (суппозиториев с парацетамолом или ибупрофеном) было не просто констатацией факта — это был золотой стандарт педиатрической практики при гиперпирексии у детей раннего возраста, особенно когда пероральный приём затруднён из-за рвоты, отказа от питья или сонливости. Фраза «если они не помогут, то придётся колоть литичку» была предупреждением о следующей ступени эскалации: литическая смесь (анальгин + антигистаминное + спазмолитик) — это тяжёлая артиллерия скорой помощи, которая применяется только в крайних случаях из-за риска побочных эффектов.

— А литичка что это? Это укол? — В его голосе звучал страх перед словом «укол» — не за себя, а за ребёнка, которому придётся делать эту инъекцию. Для него любой укол был синонимом боли и опасности, и он не понимал, почему Гриша рассматривает это как вариант. Его руки снова задрожали, а взгляд метнулся в сторону комнаты, где плакал младенец, как будто он мог защитить его одним лишь взглядом.

— Да, это укол литической смеси, а это смесь нескольких препаратов. А теперь пойдём. — Гриша ответил коротко, не вдаваясь в фармакологические детали. Он знал, что сейчас не время для лекций о механизме действия Метамизола натрия или папаверина. Его голос стал твёрже, в нём появилась та же стальная нотка, которая появлялась только в экстренных ситуациях. Он уже направлялся к комнате, где лежал Алан, его шаги были быстрыми, но не суетливыми. В его движениях читалась та же уверенность профессионала, который знает, что каждая секунда промедления может стоить ребёнку фебрильных судорог или ещё более серьёзных осложнений.

— Привет. — Голос Гриши прозвучал сухо, лишённый той привычной, тёплой интонации, которой он обычно встречал Нику. Это было не приветствие любимой девушки, а фиксация присутствия. Он вошёл в комнату, и его взгляд мгновенно, по профессиональной привычке, скользнул не на неё, а на кровать, оценивая обстановку. Воздух в комнате был тяжёлым, спёртым, пахнувшим детским потом, перегретым бельём и лекарственными травами. Его плечи были напряжены, челюсть сжата — он держал себя в рамках строгого медицинского протокола, чтобы не дать личной обиде и усталости прорваться наружу раньше времени.

— Привет. — Ответ Ники прозвучал тихо, с хрипотцой, выдающей долгие часы плача и недосыпа. Она стояла на середине комнаты пытаясь укачать плачущего малыша на руках который был накрыт тонкой простынкой. Она не подошла, не поцеловала, даже не чмокнула его в щёку. Просто сказала привет.

— Положи Алана на пелёнку на кровать, мне нужно его осмотреть. — Гриша не стал тратить время на расспросы о том, как они сбивали температуру до его приезда — визуальная и физикальная оценка состояния младенца при сорока градусах требовала немедленного снятия одежды. Нужно было оценить характер сыпи (исключив менингококковую инфекцию), цвет кожных покровов (наличие мраморности или цианоза) и степень тахипноэ. Его голос был ровным, но в этой ровности скрывалась пропасть: он общался с ней не как парень с девушкой, а как дежурный врач с родственницей пациента.

— Хорошо, у тебя есть стетоскоп? — Ника послушно кивнула, её пальцы слегка дрожали, когда она начала расстёгивать жаркий, влажный комбинезончик Алана. Кожа младенца пылала, издавая тот специфический, кисловатый запах высокой температуры и интоксикации. Её вопрос про стетоскоп был попыткой зацепиться за его медицинский авторитет, способом убедиться, что он пришёл не с пустыми руками, а как полноценный специалист.

— Да, если бы ты ко мне хоть иногда приезжала то видела бы что не только стетоскоп у меня есть. — Фраза вырвалась у Гриши резко, как скальпель, разрезающий натянутую струну профессионального спокойствия. Это был не просто упрёк, это был крик накопленной боли и обиды, которая прорвала его броню. Его пальцы крепко сжали ручку своей медицинской

сумки, костяшки побелели. В этом взгляде, брошенном на Нику, не было злости — только бесконечная, свинцовая усталость от того, что её совершенно не интересует его мир, его жизнь в больнице, его борьба за выживание их семьи. Гриша слушал сердцебиение.

— Гриш, я... — Никаэла попыталась начать разговор но...

— Никаэл, потом. Сейчас в приоритете ребёнок, я должен ему помочь, потом поговорим. Хорошо? — Гриша произнёс это мягко, но с той же стальной, не терпящей возражений интонацией, которая мгновенно переключает атмосферу из бытовой в клиническую. Это был акт профессиональной компартиментализации: он мысленно закрыл дверь в свою личную драму, чтобы полностью сосредоточиться на пациенте.

— Ладно, сможешь помочь? Ты связался с моим папой? — Никаэла выдохнула, её плечи чуть опустились, принимая установленные им границы. Её вопрос прозвучал с ноткой детской зависимости: она полностью делегировала ему ответственность за жизнь брата, а отражением глубоких культурных и семейных паттернов, где решение о медицинском вмешательстве, особенно инвазивном, требует санкции старшего мужчины.

— Смогу, и да я связался. Объяснил что поставлю ректальные свечи, но если через 30 минут температура не снизится, придётся колоть Литичку. — Гриша ответил чётко, структурировано, как на утренней врачебной конференции. Он изложил алгоритм действий, не оставляя места для паники. Упоминание ректальных суппозиторий было клинически обоснованным: при высокой температуре у младенцев часто бывает тошнота или рвота, а пероральные препараты могут не усвоиться или подействовать слишком медленно. Упоминание «литички» (литической смеси: анальгин + димедрол + папаверин) было честным предупреждением о тяжёлой артиллерии, которая применяется только при риске фебрильных судорог или неэффективности первой линии терапии.

— И что он? — Она задала этот вопрос почти шёпотом, затаив дыхание.

— Гамаль сказал, что он согласен, и поблагодарил меня что вопреки работе я нашёл время приехать помочь. — Он передал информацию сухо, как факт, лишённый эмоций, защищая себя от боли тем, что он всё ещё нужен этой семье, даже если его девушка от него отдаляется.

— Хорошо, делай всё что считаешь нужным. — Гриша перевернул младенца на живот и прислонил согретый в ладонях стетоскоп к спинке и тыльной стороной руки поддерживал головку и шею ребёнка.

— Таак, сердцебиение учащённое, но это можно объяснить высокой температурой, теперь возьми Алана на руки мне надо осмотреть его горло.

— Амалия, пожалуйста помоги Грише я не могу. — И Никаэла вышла из комнаты прикрыв дверь. А Амалия взяла плачущего малыша на руки, а Гриша в свою очередь постарался как можно нежнее маленькой деревянной палочкой осмотреть горло ребёнка.

— Амалия, ты знаешь что с Никаэлой происходит? Мне не нравится её поведение. Она тебе ничего не говорила? — Не отрываясь от осмотра, Гриша задал этот вопрос тихим, конфиденциальным тоном. Он обращался к Амалии не как врач к родственнице, а как обеспокоенный партнёр, собирающий анамнез не болезни, а психологического состояния члена семьи. Его настороженность была продиктована не ревностью, а клиническим наблюдением: резкая смена поведения, избегание контакта, эмоциональная неспособность справиться с базовым уходом за больным ребёнком могли быть маркерами начинающейся депрессии, выгорания или скрытого конфликта.

— По правде не знаю, и никто не знает из нашей семьи. Она где-то больше недели такая. И на вопросы что случилось, не отвечает. — Голос Амалии прозвучал тихо, с той же материнской растерянностью, которая появляется, когда близкий человек уходит в себя, а семья не может найти ключ к его молчанию. Её руки крепче прижали к себе плачущего Алана, пальцы нервно поглаживали его горячую спинку, пытаясь успокоить и ребёнка, и собственную тревогу.

— По крайней мере со мной она хотела поговорить. Как только Алану станет легче, я с ней поговорю. — Он не стал говорить Амалии, что уже догадывается о причине молчания Ники — о том, что их отношения трещат по швам, что она боится ответственности, что её пугает его жизнь, полностью посвящённая больнице и больному брату. Он просто констатировал факт: Ника пыталась начать разговор, но он сам отложил его ради ребёнка.

— Хорошо, спасибо. Что дальше? Я могу ещё чем-то помочь? — Амалия выдохнула, её плечи чуть опустились, выпуская часть невидимого напряжения. Её руки уже были готовы действовать, но ей нужен был чёткий алгоритм, чтобы не сделать ничего лишнего, что могло бы навредить.

— Да,ними памперс и поверни его на бок. Я сейчас приду. — Гриша дал чёткую, лаконичную инструкцию, его голос вернулся в режим медицинского протокола. Положение на боку с приведёнными к животу ногами — это классическая позиция Сима для ректального введения суппозиториев, обеспечивающая доступ к прямой кишке и минимизирующая дискомфорт для ребёнка, это был способ дать Амалии время подготовить ребёнка, не пугая его видом упаковки лекарств. Он уже направлялся к столику, где лежала его медицинская сумка, его движения были лишёнными суеты. Он мысленно проверял алгоритм: достать свечу Парацетамол* 125 мг.

— Вы свечку ему поставите? — Она не понимала разницы между ректальным введением и инъекцией, для неё это были просто «неприятные процедуры», которых она хотела бы избежать, но понимала, что они необходимы.

— Да, я тебе уже это говорил. Не помнишь? — Его терпение было на исходе, но он не позволил себе раздражения. Повторение информации было не упрёком, а способом убедиться, что Амалия правильно поняла алгоритм действий.

— Помню, но вы говорили и про свечи и про укол. — Амалия призналась в своём замешательстве, её щёки слегка покраснели от смущения. Её мозг, перегруженный тревогой за ребёнка, не мог обработать медицинскую логику. Для неё упоминание «укола» было равносильно приговору, и она надеялась, что Гриша выберет более щадящий вариант. Её пальцы крепче сжали край пелёнки, готовясь к любому развитию событий.

— Верно, но инъекция может понадобиться если ректальная свечка не поможет. — Гриша терпеливо объяснил клиническую логику. Он понимал, что для неё литическая смесь — это что-то страшное, непонятное. Он не стал вдаваться в фармакологические детали (анальгин + димедрол + папаверин), не стал объяснять механизм действия каждого компонента. Он просто констатировал факт: сначала попробуем мягкий метод, если не сработает — перейдём к тяжёлой артиллерии. В его тоне звучала та же уверенность профессионала, которая должна была стать якорем для её тревоги: я знаю, что делаю, я не наврежу, я сделаю всё, что нужно.

— Ладно, делайте. А куда будет свечка? — Её руки крепче прижали к себе Алана, пальцы нервно перебирали складки пелёнки. Её взгляд метался между медицинской сумкой Гриши и лицом ребёнка, не в силах сфокусироваться на чём-то одном.

— Тебе не разу не снижали температуру ректальной свечкой? — Его брови слегка приподнялись, в глазах мелькнуло не осуждение, а клиническое понимание: вот почему Ника в панике, вот почему она не справляется — она никогда не несла эту ответственность.

— По правде говоря я не помню, но вроде нет. Куда это? — Фраза «я не помню» была защитным механизмом: легче притвориться, что забыла, чем признать, что никогда и не делала этого.

— Ректальная свеча вводится в ректальное отверстие, то есть в попу. Прижми ножки брата к животу. — Гриша объяснил максимально просто, без медицинского жаргона, Его тон был терпеливым, лишённым снисхождения или раздражения, хотя внутри него кипел профессиональный протест: как можно не знать таких базовых вещей? Но он подавил это раздражение, понимая, что сейчас не время для лекций — ребёнок горит от температуры, и каждую секунду промедления нельзя тратить на обучение. Его команда «Прижми ножки брата к животу» была

чёткой, конкретной инструкцией: эта поза (модификация позиции Сима) обеспечивала доступ к анусу, расслабляла сфинктер и минимизировала дискомфорт для младенца.

— Фу, можно я на это не буду смотреть? — Голос Амалии прозвучал с той же безразличной интонацией, которая выдавала её полное отстранение от физиологических аспектов ухода за ребёнком. Её лицо исказилось в гримасе отвращения, она резко отвернулась, её плечи напряглись, создавая физический барьер между ней и тем, что должно было произойти. Это была не просто безразличность — это был защитный механизм психики, которая не могла справиться с видом инвазивной медицинской манипуляции на собственном ребёнке.

— Ахахах, хорошо, можешь не смотреть, главное держи крепко. — Это был тот же профессиональный, облегчающий смех, который появляется у медиков, когда они видят реакцию непрофессионалов на рутинные процедуры.

— Чего вы смеётесь? А вам разве не противно? Вы в буквальном смысле засовываете палец в попу человека. Верно? — Вопрос Амалии прозвучал с возмущением, в котором смешались шок, безразличность и непонимание. Её голова резко повернулась к Грише, её глаза были широко раскрыты, в них читалось не просто отвращение, а почти моральное осуждение: как можно смеяться, делая ЭТО? Как можно не чувствовать отвращения к такому интимному, «грязному» действию? Для неё это было не медицинское вмешательство, а какое-то кощунство, нарушение границ тела ребёнка.

— Ахаха, извини. Это частая практика у медбратьев, и... это не совсем так, палец практически не проникает в прямую кишку. — Его голос был ровным, лишённым какого-либо смущения или оправданий — он не чувствовал себя виноватым за то, что делал свою работу. Уточнение «палец практически не проникает в прямую кишку» было клинически точным: при введении ректальной свечи у младенца палец входит только в задний проход на глубину 1—2 сантиметра, не достигая ампулы прямой кишки, где находятся основные болевые рецепторы.

В этот момент один из младших братьев подошел к Никаэле, она в это время молча задумчиво смотря в окно. И он аккуратно заговорил с ней на армянском.

— Барев дзес, Никаэл! — Голос Агаси прозвучал с той же тёплой, но властной интонацией, которая свойственна старшим мужчинам в армянской семье.

— Барев дзес, Агаси! — Его голос звучал той же детской, почти трогательной надеждой.

— Ов э екел мер тун? — В его тоне звучала та же патриархальная ответственность: он должен был знать, кто находится в его территории, особенно когда в доме больной ребёнок.

— Бжишкэ Аланану, инч э? — Никаэла ответила быстро, почти выпалив, её голос дрогнул на слове «бжишкэ». Эта формулировка была защитным механизмом: она не хотела, чтобы Агаси спрашивал о её личном, о том, почему Гриша здесь, а не в больнице, почему он один, почему она плакала за закрытой дверью.

— Индз сар шат цер а! Хндрех, хндрум ем ду че бжшакан дпроцум ес усум. — В его тоне звучал страх, но он решил довериться старшей сестре, так как родителей не было дома.

— Цаханц, дзес бажич Гриша дзитарел? Айс луц авели лусацин унум э, хорурд кта, айс дзес кохк кта! — Он понимал, что Гриша — единственный, кто мог помочь в этой ситуации, и его одобрение было не просто формальностью — это было благословение старшего, которое снимало с Никаэл часть вины за то, что она обратилась за помощью к «чужому» (пусть и парню). В его тоне звучала та же прагматичная мудрость: не важно, кто он тебе, важно, что он может спасти ребёнка.

— Ес сандэцем, шат цер клуни? — Его страх окутал его, и он всё-таки признался сестре.

— Если бажич лусацин кта, кохк кта. Дук церк унунэс бардзрац таракан. Ганинк? — Никаэла понимала, что брат боится, но посчитала нужным предупредить о последствиях.

— Ес кохк цаханц! Ба... Айнпэс цер а! Лав, лав, ганинк. — Выпалил Агаси, он до жути боялся уколов, и Никаэла это помнила. Но она знала, что запускать любое заболевание категорически небезопасно.

— А почему ты на армянском говоришь? Ты же знаешь русский! Тем более Гриша не знает армянский. — Её взгляд стал острым, сканирующим её лицо, ища признаки обмана или скрытой боли.

— За год не выучил? — Удивился Агаси, наморщив лоб и удивительно посмотрев на сестру.

— Неа, выучил пару фраз, и то не использует. — Она не стала защищать Гришу, не стала оправдывать его — он просто констатировал факт. Фраза «выучил пару фраз, и то почти не использует» была не упрёком, а признанием реальности: Гриша был «своим» как врач, как спаситель, как человек, который приходил в критических ситуациях, но он так и не стал «своим» как член семьи.

— Ладно, пойдём. Только пожалуйста будь рядом а то мне страшно. — Агаси взял крепко сестру за руку.

— Хорошо, я буду рядом. — сказала старшая сестра. И они пошли в комнату. С тех пор как Гриша поставил Алану ректальную свечу прошло 23 минуты Гриша измерил ректальную температуру (именно так новорождённым измеряют температуру) и к сожалению она снизилась всего на 0, 5 градуса пора было к сожалению колоть литичку.

— Гриш, прости если отвлекаю, но пожалуйста осмотри Агаси. У него голова сильно болит.

— Ничего, хорошо я осмотрю тебя. — Гриша обернулся на мальчика и подмигнул ему.

— Спасибо. — тихо почти неслышно сказал Агаси. И присел на стул стал наблюдать за тем что дальше будет делать врач.

— Ник, можешь пожалуйста поддержать Алана, я больше не могу.

— Нуу, ладно. Что-то случилось? — Спросила Никаэла, а Гриша хмыкнул.

— Она увидела как я ставил ректальную свечку Алану хоть она и отворачивалась. Нуу и испугалась этого действия. — Он не стал вдаваться в детали того, что Амалия не просто «испугалась» — она испытала классическую реакцию отвращения и брезгливости, которая для него, человека, выросшего в больничных палатах, была маркером глубокого разрыва в их восприятии мира.

— Ах вот оно как, тогда понятно. В ягодичу колоть будешь? — Фраза «тогда понятно» была не просто согласием — это было принятие того, что реакция Амалии была не капризом и не признаком надвигающегося разрыва, а естественным страхом перед интимной медицинской манипуляцией. А вопрос «В ягодичу колоть будешь?» прозвучал с той же практической озабоченностью, которая выдавала желание помочь, даже если помощь заключалась просто в понимании процедуры.

— Да, поддержи, так чтобы ягодичная мышца была насколько это возможно расслаблена. — Гриша дал чёткую, профессиональную инструкцию, его голос вернулся в режим медицинского протокола. Внутримышечная инъекция у младенцев требовала особой техники: ягодичная мышца (верх наружный квадрант) должна быть максимально расслаблена, чтобы игла вошла без сопротивления, не причиняя дополнительной боли и не повреждая ткани.

— Поняла. — Её пальцы осторожно, но твёрдо прижимали ножки ребёнка, стараясь не причинить ему дискомфорта, но и не позволяя дёрнуться. В её тоне не было страха или брезгливости — только концентрация на задаче. Она понимала: от её действий зависело, насколько безболезненной будет инъекция для маленького, измученного температурой тела. Воздух в комнате стал тише, когда все четверо — Гриша с шприцем, Никаэла с зафиксированным ребёнком сам Алан и Агаси, малыш который уже почти перестал плакать от усталости, — замерли в ожидании короткого, но критически важного момента, который должен был принести облегчение.

— Всё, готово. Прижми ватку, не растирай. — Голос Гриши прозвучал тихо, но с той же железной уверенностью, которая не допускает ошибок. Его движения были молниеносными

и отточенными: быстрый прокол кожи под углом 90 градусов, кратковременная аспирация (чтобы убедиться, что игла не попала в сосуд), медленное, плавное введение литической смеси и мгновенное извлечение иглы с одновременным прижатием спиртовой салфетки. Он знал, что смесь анальгина, димедрола и папаверина сама по себе болезненна при введении, поэтому скорость и точность были единственным способом минимизировать страдания младенца.

— Он так сильно плачет... Это нормально? — Голос Ники дрогнул, её пальцы нервно, но крепко прижимали ватку к крошечной ягодице Алана. Её глаза были полны слёз, а в тоне звучала та же первобытная паника, которая обостряется при виде страданий ребёнка, даже если эти страдания кратковременны и необходимы. Она смотрела на Гришу, ища в его лице подтверждения, что она не сделала ничего, что она правильно держала малыша.

— Это реакция на укол и на сам препарат. Сейчас он начнёт потеть, это хороший знак. Температура начнёт падать. — Гриша ответил спокойно, его голос приобрёл ту же успокаивающую, монотонную интонацию, которую используют врачи для успокоения родственников. Он объяснил физиологический механизм действия литической смеси: папаверин вызовет расширение сосудов, что приведёт к усиленной теплоотдаче и потливости. Это был не просто медицинский факт, это был якорь, который он бросил Нике, чтобы удержать её от паники. Он начал аккуратно складывать инструменты обратно в сумку, его движения были медленнее, выдавая накопленную за день колоссальную физическую и эмоциональную усталость.

— Спасибо тебе, Гриша. Правда. Я не знаю, что бы мы без тебя делали. — Ника выдохнула, её плечи наконец опустились, выпуская невидимый, но тяжёлый груз. В её голосе прозвучала искренняя, пронзительная благодарность.

— Так, давай теперь тебя осмотрую. — сказал Гриша подходя к Агаси. Голос Гриши прозвучал с той же мягкой, но властной интонацией, которую используют педиатры при работе с детьми и подростками.

— Мне больно не будет? — Вопрос Агаси прозвучал с той же детской, почти трогательной уязвимостью, которая прорывается сквозь маску подростковой бравады. Его голос дрогнул, пальцы нервно сжали край футболки, костяшки побелели. В его глазах читался страх — не перед конкретной процедурой, а перед самим фактом медицинского вмешательства, которое ассоциировалось с болью, иглами, неприятными ощущениями. Его плечи были напряжены, дыхание частое и поверхностное, выдавая высокий уровень тревоги. Он видел, как Гриша только что делал укол Алану, как тот плакал, и теперь его мозг автоматически проецировал этот опыт на себя. Это был классический механизм условного рефлекса: медицинский осмотр = боль = опасность.

— Если это простая усталость от школы, а не вирус, то ничего делать тебе не будем. Обещаю. — Гриша ответил с той же спокойной, почти успокаивающей интонацией, которая была призвана снизить уровень кортизола в крови подростка. Он использовал технику когнитивного рефрейминга: переформулировал ситуацию из «медицинское вмешательство» в «простой осмотр». Фраза «ничего делать тебе не будем» была не просто обещанием — это был контракт доверия, который он заключал с пациентом.

— Ник, поддержи меня за руку, ты обещала быть рядом. — Голос Агаси прозвучал с той же детской, почти отчаянной мольбой, которая прорвалась сквозь его страх. Он протянул руку к Никаэл, его пальцы дрожали, выдавая колоссальное внутреннее напряжение, это был якорь, связь с тем человеком, который обещал быть рядом, который был для него опорой в этом хаосе болезней и медицинских процедур. Его взгляд был устремлён на неё, ища подтверждения, что она не откажет, что она не отвернётся, как делала это раньше, когда ему было особенно страшно.

— Да, конечно. — Она подошла к Агаси, её движения были плавными, но в них угадывалась скрытая скованность от собственных слёз и напряжения последних часов. Её рука легла на руку Агаси — тёплая, живая, но пальцы слегка дрожали, выдавая истощение её собственной

нервной системы. В её тоне не было той холодной отстранённости, которая была раньше, — только тихая, почти физическая готовность быть опорой для того, кто в ней нуждался. Её глаза были красными от слёз, но взгляд стал мягче, теплее.

— Открой рот, покажи язык. И дыши глубоко, когда я спинку послушаю. — Голос Гриши вернулся в режим спокойного, размеренного руководства. Он достал из сумки деревянный шпатель, его движения были плавными и предсказуемыми, чтобы не спровоцировать у подростка рвотный рефлекс или новый виток паники. Он не стал использовать холодный металлический шпатель, зная, что тактильный дискомфорт только усилит стресс.

— Горло слегка гиперемировано, но налёта нет. Лимфоузлы не увеличены. Температура с утра была 37. 2? — Гриша задал уточняющий вопрос, его пальцы уже аккуратно прощупывали подчелюстные и шейные лимфатические узлы.

— Да, 37. 2. А начал жаловался на головную боль только сейчас. — Никаэла ответила, её голос всё ещё дрожал, но в нём появилась та же нотка ответственности. Она наконец-то начала выполнять роль старшей сестры, предоставляя анамнез чётко и по делу. Гриша нахмурился. Сочетание утреннего субфебрилитета (37. 2° С) с текущими жалобами на сильную головную боль и общей вялостью пациента вызвало у него профессиональную настороженность. Он молча достал из кармана электронный термометр.

— Давай-ка я сейчас перемерю, на всякий случай. Под мышку. — Он аккуратно поместил кончик термометра в подмышечную впадину Агаси, придерживая его руку. Спустя минуту раздался резкий, короткий писк прибора. Гриша взглянул на экран, и его лицо мгновенно окаменело. Цифры показывали 39. 2° С.

— Никааа, температура сейчас 39. 2. Всё-таки не обойтись без укола. — Резкий скачок температуры почти на два градуса за несколько часов переводил состояние из разряда лихорадка с высоким риском осложнений.

— Нет... Ты же обещал! — Голос Агаси сорвался в высокий, пронзительный визг. Обещание, которое было для него якорем безопасности, рухнуло. Прежде чем Гриша или Никаэла успели сделать хоть шаг, Агаси рванулся с дивана. Его движения были резкими, но неуклюжими: высокая температура делала его тело вялым, а адреналиновый всплеск придавал действиям хаотичную, судорожную энергию. Он отшвырнул руку сестры, развернулся и, спотыкаясь о собственные ноги, бросился к двери. Хлопок захлопнувшейся двери эхом ударил по стенам квартиры.

— Агаси! Агаси, вернись! — закричала Никаэла, и в её голосе прорвалась та же паника. Она бросилась к двери, но Гриша перехватил её за локоть. Его хватка была крепкой, мгновенно возвращая её из состояния истерики в реальность.

— Не кричи на него, так ты только загонишь его в угол. Температура 39. 2, у него может начаться спутанность сознания или фебрильные судороги, нам нужно действовать быстро, но спокойно, — Он не мог позволить себе роскошь злости на сбежавшего пациента; сейчас он был не обиженным парнем, а врачом, у которого есть несколько минут, чтобы предотвратить осложнение. — Где его комната? Быстро, веди! — скомандовал он, и в его тоне не было места для возражений. Никаэла, глотая слёзы, кивнула и потащила его по коридору. Они подошли к закрытой двери детской. Никаэла попыталась повернуть ручку, но дверь была заблокирована изнутри.

— Агаси, открой, пожалуйста... Милый, мне так жаль, но тебе действительно нужно лекарство, иначе тебе станет намного хуже, — её голос срывался на рыдания, она прижалась лбом к холодному дереву двери, барабанила по ней ладонями.

— Агаси, это Гриша. Я не войду, если ты не откроешь. Но послушай меня внимательно. Я знаю, что ты испугался. Я нарушил обещание, и ты имеешь полное право злиться на меня. Но твоя температура сейчас 39. 2. Это не просто головная боль от школы. Это огонь внутри

тебя, и если мы его не потушим этим уколом, он может сделать тебе по-настоящему больно, гораздо сильнее, чем если ты потерпишь 10 секунд укола.

— Ты обещаешь, что это будет быстро? — донёсся из-за двери тонкий, дрожащий голос.

— Клянусь. Один вдох, один выдох, и всё закончится. Я сделаю это так, что ты почти не почувствуешь. А Ника будет держать тебя за руку всё это время, — ответил Гриша, бросив быстрый, ободряющий взгляд на девушку. Никаэла тут же кивнула, прижимая ладони к груди. Щелчок замка прозвучал тихо, но в напряжённой тишине коридора он был подобен выстрелу. Дверь приоткрылась. В полумраке комнаты, забившись в самый дальний угол между шкафом и стеной, сидел Агаси. Он поджал колени к самому подбородку, а глаза, полные слёз, смотрели на Гришу с немим ужасом, смешанным с мольбой о пощаде. Гриша медленно, без резких движений, вошёл в комнату и сел на пол прямо перед ним, игнорируя пыль и тесноту угла. Он не стал сразу тянуться к шприцу. Сначала он протянул руку и коснулся тыльной стороной ладони пылающего лба подростка.

— Я здесь. Мы справимся. Ника, иди к нему, — тихо сказал Гриша. Гриша встал, подошел к столу и начал собирать шприц, а Ника в это время успокаивала Агаси. Движения Гриши были экономичными и отточенными, лишёнными всякой суеты. Его пальцы, привыкшие к сотням таких манипуляций, ловко сняли защитный колпачок с ампулы. Резкий, сухой щелчок ломающегося стекла прозвучал в тишине комнаты как выстрел, заставив Агаси вздрогнуть всем телом. Но Гриша не обратил на это внимания, его разум был полностью сфокусирован на задаче: он набирал в шприц литическую смесь (анальгин, димедрол и папаверин), проверяя отсутствие пузырьков воздуха и делая короткую аспирационную пробу, чтобы убедиться в безопасности препарата. Тем временем Никаэла скользнула на пол рядом с братом, игнорируя тесноту угла. Её руки, ещё недавно дрожавшие от бессилия, теперь обрели неожиданную, почти материнскую твёрдость. Слова путались в горле, перехваченном слезами, но ритм был знакомым, заземляющим. Она гладила его по вспотевшим, спутанным волосам, создавая физический барьер между ним и пугающей фигурой врача, парадоксальным образом удерживая его на месте для необходимой процедуры. Высокая температура Агаси делала его тело вялым, а адреналин, вызванный страхом, быстро сменялся истощением. Он слышал тихое шуршание упаковки шприца за спиной, и его мышцы инстинктивно напрягались, но тёплые, уверенные руки сестры не давали ему сорваться в новую панику. Он понял, что сопротивления нет, есть только необходимость пережить эту минуту. Его пальцы, до этого мертвой хваткой сжимавшие футболку Никаэлы. Она не стала силой вытаскивать его из угла. Вместо этого она обхватила его плечи, прижимая его пылающую голову к своему плечу, и начала тихонько, монотонно напевать что-то из их детства. Слова путались в горле, перехваченном слезами, но ритм был знакомым, заземляющим.

— Агаси, милый, послушай... иголочка совсем маленькая! Ты практически ничего не почувствуешь, это будет всего одно мгновение. Я знаю, что ты боишься, но, к сожалению, без этого никак, иначе жар только усилится. Пожалуйста, давай просто сделаем это. — Агаси, слыша её голос, судорожно всхлипнул. Его пальцы, до этого мёртвой хваткой вцепившиеся в её футболку, чуть ослабили хватку. Он понимал, что она не предаст его, и эта мысль стала тем же мостиком, который позволил ему сделать первый, самый трудный шаг к принятию неизбежного.

— Агаси, повернись на бочок, подтяни колени к животу, — произнёс Гриша, подходя к ним. Его голос был мягким, но в нём звучала стальная нотка, не допускающая возражений. Он объяснил необходимость позы Симса: приведение ног к животу максимально расслабляет ягодичную мышцу, что критически важно для безболезненного введения иглы и предотвращения повреждения седалищного нерва. — Я буду считать до трёх. На три — короткий укол. Дыши глубоко, не задерживай дыхание. Раз... два... три. — Гриша использовал классический приём предупреждения. Чёткий отсчёт давал мозгу подростка возможность подгото-

виться. Агаси резко всхлипнул, его тело напряглось, как струна, но руки Никаэлы, как тиски, удержали его на месте. Литическая смесь известна своим болезненным, жгучим эффектом при внутримышечном введении. Гриша видел, как напряглись мышцы подростка, но его собственная рука оставалась абсолютно неподвижной и стабильной. Он медленно ввёл препарат, а затем так же быстро извлёк иглу, мгновенно прижав к месту укола сухую ватку рукой самого Агаси.

— Агась, потерпи пожалуйста, Гриша очень старается, медленно вводит, старайся не дёргаться, тогда и меньше будет больно. — Никаэле было жалко брата, но она знала, что без её помощи ему не обойтись, и она продолжала держать его, стараясь не доставлять ему дискомфорта.

— Всё. Молодец. Не растирай, просто прижми. Через пятнадцать минут начнёшь сильно потеть, это хороший знак, температура начнёт падать, — выдохнул Гриша, и в его голосе наконец-то прорвалось искреннее, человеческое облегчение. Он аккуратно убрал шприц в контейнер для острых отходов. Никаэла молча продолжала держать брата, её собственные плечи мелко дрожали от сдерживаемых рыданий. Она смотрела на Гришу, и в её красных, опухших глазах читалась не только благодарность, но и глубокое, пронзительное осознание: этот парень только что взял на себя роль «плохого», причинив боль её брату, чтобы спасти его.

— Агась, лежи немного. Мы будем на кухне, нам поговорить надо.

— Гриш, я... я просто не знала, что делать. Я так испугалась, когда у него начался жар... — Никаэла начала говорить, как только они остались вдвоём на кухне. Её голос был быстрым, сбивчивым. Это была классическая эмоциональная дефлексия: она пыталась сместить фокус с истинной причины её страхом перед его жизнью на болезнь брата.

— Дело не в жаре, Ника. И не в том, что ты не знаешь, как ставить свечи. Дело в том, что ты боишься. — Гриша произнёс это тихо, без тени упрёка или злости. Он не кричал, и именно эта спокойная констатация факта была наиболее разрушительной для её иллюзий. Он смотрел на неё, и в его глазах не было осуждения, только бесконечная, свинцовая усталость человека, который слишком долго нёс всё в одиночку и наконец-то назвал вещи своими именами.

— Чего я боюсь? — Вопрос вырвался у неё с ноткой оборонительной агрессии, но тут же угас, сменившись влажным блеском в глазах.

— Того, что моя жизнь станет твоей. Больницы, дежурства, мой брат... ты видела как это выглядит. И ты поняла, что не хочешь в этом участвовать. И это нормально. Но мы не можем продолжать делать вид, что всё в порядке. — Гриша выложил всё на стол. Каждое слово было взвешенным. Он не обвинял её в чёрствости; он признавал право человека на выбор. Никаэла замерла. Её губы дрогнули, пытаясь сформировать какое-то оправдание, но слова застряли в горле, сдавленные внезапным, болезненным спазмом. Защитные механизмы, которые она так тщательно выстраивала неделями, рухнули под весом этой простой, неоспоримой правды. Её глаза, и без того красные от напряжения этого дня, наполнились слезами. Первая слеза скатилась по щеке, оставляя влажный след на бледной коже, за ней последовала вторая, третья. Она не рыдала громко; это были тихие, беззвучные слёзы глубокого, всепоглощающего горя и стыда. Стыда за то, что он оказался прав, и горя за то, что она действительно не смогла быть той опорой, которую он заслуживал. — Прости меня, Ника, — тихо сказал он, и в этом «прости» было не раскаяние в сказанных словах, а скорбь о том, что всё сложилось именно так. — Береги себя. — Он развернулся и направился к выходу. Его шаги по паркету были тяжёлыми, но уверенными. Он взял свою медицинскую сумку, и сухой, металлический звук застёгиваемой молнии прозвучал в тишине кухни как финальный аккорд. Щелчок входной двери, когда он вышел в подъезд, был тихим, но для него он прозвучал как точка, поставленная в конце длинной, изматывающей главы. Он знал, что завтра будет больно, но сегодня он сделал то, что должен был сделать, чтобы спасти их обоих от медленного удушения в отношениях, обречённых на провал. Больница встретила его привычным, почти родным запахом хлоргексидина, старой пыли и тихого гудения систем вентиляции. Для кого-то это место было символом страданий,

но для Гриши сейчас оно стало местом где всё было понятно, структурировано и предсказуемо. Он тихо открыл дверь своей палаты. Внутри царил полумрак, освещаемый лишь тусклым ночником. Адриан сидел в кресле у окна, дремля с открытой книгой на коленях, но при звуке открывающейся двери он мгновенно встрепенулся. Его взгляд, ещё сонный, мгновенно стал внимательным и сканирующим, оценивая состояние Гриши. Рядом, в своей кроватке, мирно и ровно спал маленький Алексей, его грудь равномерно вздымалась и опускалась. И он тихонько прошептал:

— Адри, мне пора в квартиру потом вернусь, как вы? — Он стоял в дверном проёме палаты, его пальцы нервно сжимали ключи от квартиры. В этот момент перед его внутренним взором всплыла картина, от которой он пытался сбежать: Никаэла, сидящая на кухне, закрывшая лицо ладонями, беззвучные слёзы, стекающие по щекам, и тяжёлая, вязкая тишина после его слов. Он чувствовал физическую тяжесть в груди — не сердечную боль, а соматический отголосок эмоционального ампутации. Ключи в руке казались неестественно холодными и тяжёлыми, как символ разрушенного быта.

— Явился не запылелся, ты ещё не всё? Я думал что ты так долго потому что все дела за раз решил сделать. — Адриан ответил с тёплой, братской иронией, но его глаза, скользнувшие по лицу Гриши, мгновенно считали микросигналы усталости: лёгкую дрожь в нижней челюсти, покрасневшие, но сухие глаза (он не плакал, но внутренние слёзы выжигали слизистую), неестественно прямую спину, которую он держал, чтобы не сгорбиться под грузом невидимой ноши.

— Нет, там долгая история, в общем... Спасибо тебе огромное, я побежал, ты Алексея покормил? — Мысль о том, что Никаэла не выдержала вида медицинской процедуры, не смогла принять его мир больниц, дежурств и хронической усталости, вернулась с новой силой. Он понял, что её слёзы на кухне были не только о брате — это были слёзы человека, который осознал, что не готов делить жизнь с тем, кто уже принадлежит медицине и чужой боли.

— Да, покормил. Он у тебя какой то Алёша Попович, ест мне кажется за нас троих! — Адриан усмехнулся, и в этой шутке прозвучала та же целительная, бытовая нормальность, которую Гриша так остро нуждался. Упоминание аппетита младенца стало мощным когнитивным переключателем. Гриша посмотрел на кроватку, и образ Никаэла мгновенно поблёк, уступив место крошечному, мирно спящему комочку. Он подумал о том, как по-разному проявляется любовь: одна требует идеальных условий, боится шприцов и больничных стен, отступает перед грузом ответственности; другая — вот эта, тихая, в виде Адриана, сидящего у кроватки в три ночи, или в виде самого Гриши, который вкалывает литическую смесь дрожащими руками, потому что нет другого выхода.

— Так и надо, намного хуже было бы если бы он мало ел, он на 18 неделе рождён, забыл? — Он заговорил о 18 неделях не чтобы отчитать друга, а чтобы самому заземлиться. Он вспомнил тот день в реанимации, когда Алексей весил меньше буханки хлеба, когда его кожа была прозрачной, а вены — тоньше нитки. Каждый миллилитр смеси, каждый грамм веса был маленькой победой над статистикой, над прогнозами, над смертью. В контрасте с этим фактом личная драма казалась одновременно и ничтожной, и абсолютно понятной. Он не винил Никаэлу за то, что она не смогла принять этот мир. Он просто осознал, что его способность любить слишком глубока и требовательна к реальности, чтобы помещаться в рамки обычных отношений.

— Точно, хорошо, езжай куда тебе там надо, я ещё посижу. — Адриан кивнул, и в его тоне не было ни любопытства, ни скрытого давления. Он принял решение Гриши не задавать вопросов как акт высшего доверия. Он понимал: пока он будет ехать в пустую квартиру, собирать препараты, проходить мимо комнат, где ещё вчера звучал её смех, Адриан будет охранять самое ценное, что у него осталось. Гриша глубоко вдохнул, чувствуя, как холодный больнич-

ный воздух заполняет лёгкие, вытесняя тяжёлый, спертый воздух квартиры. Он развернулся и шагнул в коридор. Дверь за ним закрылась с тихим, окончательным щелчком.

— Спасибо — сказал Гриша и закрыл дверь, старался делать всё тихо чтобы не разбудить Алексея.

103 Встреча новых жильцов или болезнь.

Гриша приехал в родительскую-свою квартиру подъезд встретил его знакомым запахом пыли и старых ковров. Поднимаясь по лестнице, он чувствовал, как с каждой ступенькой к нему возвращается тяжесть этого места. Здесь всё напоминало о родителях, о том, что их больше нет.

— Привет! Уже приехали? — Гриша вошёл, его голос прозвучал тихо.

— Привет! Нет ещё, мне заварить чай? — Али обернулся, его лицо было напряжённым. Он ждал, чувствовал себя хозяином, который продаёт чужую жизнь.

— Да, давай, я конечно вообще не понимаю как они здесь всемером? — Гриша согласился, его взгляд скользнул по комнатам. Он мысленно расставлял семь человек в этом пространстве, и математика не сходилась. Ему было жаль эту квартиру, которую он любил, и жаль этих людей, которые были загнаны в угол.

— Это да! — Али вздохнул, ставя чайник. Звонок в дверь резкий звук разрезал тишину. Это был звук новой жизни, которая врывается в их мёртвый мир. Гриша почувствовал, как его сердце пропустило удар.

— Я пойду открою, у нас всё готово к их встрече? — Гриша взял инициативу на себя. Он не мог позволить Али встречать их одному. Он должен был увидеть этих людей, оценить их, понять, кому он отдаёт свой дом.

— Да! Иди открывай! — Али кивнул, его руки вытирали полотенце. Он чувствовал облегчение, что Гриша взял на себя эту роль. Он не был готов к этому разговору.

— Хорошо!..... Добрый вечер, проходите! — Гриша открыл дверь, и его лицо мгновенно сложилось в вежливую, но отстранённую маску. Перед ним стояла женщина, за которой маячила тень большой, шумной семьи. Он пропустил их, его движения были механическими.

— Гриша, подойди! — Али позвал друга, он не хотел брать на себя всю роль хозяина. Ему нужно было разделить эту ответственность, ему нужен был буфер.

— Вы не один? — Женщина посмотрела на Гришу, её глаза оценивающе скользнули по его молодой, но усталой фигуре. Она не ожидала увидеть подростка.

— Нет, со мной настоящий хозяин этой квартиры, приехал с вами познакомиться и проследить, чтобы всё прошло хорошо! — Али подошёл, его голос прозвучал с гордостью.

— Ну тогда пойдёмте знакомиться! — Женщина улыбнулась, её напряжение спало. Она увидела двух молодых парней и почувствовала, что с ними будет легче договориться, чем с суровым взрослым собственником.

— Пошли на кухню! — Гриша повёл их туда, где было больше всего места.

— Вы хозяин квартиры? — Женщина посмотрела на Гришу, её взгляд был прямым. Ей нужно было понять, с кем она имеет дело, имеет ли он право подписывать договор.

— Если быть точнее то я наследник квартиры! — Гриша ответил ровно.

— А родители? — Женщина задала этот вопрос, не подумав. Это был автоматизм, попытка понять семейную ситуацию.

— Скончались, к сожалению! — Гриша произнёс это без эмоций. Его лицо осталось каменным, но в глазах мелькнула боль. Он не хотел говорить об этом, но он знал, что это необходимо. Это была цена его взрослости.

— Извините! Я правда не знала! — Женщина смутилась, её лицо выразило искреннее сожаление. Она почувствовала себя неловко, что задала этот вопрос в такой форме. Её голос стал тише, мягче.

— Ничего страшного, давайте попьем чай, и посмотрим как вы тут разместитесь? — Гриша отмахнулся, его тон стал деловым. Он не хотел сочувствия, он хотел решить вопрос.

— А какие проблемы нам всем разместиться? — Женщина удивилась, её голос прозвучал с лёгкой обидой. Она считала, что они готовы на любые жертвы, лишь бы иметь крышу над головой. Она не понимала, почему он сомневается в их способности ужиться.

— Кроватей не хватает! В наличии только 2 основных кровати 1 двуспальная 1 односпальная но широкая, в кладовке 2 раскладушки и больше вообще ничего нет! — Гриша перечислил факты, его голос был сухим.

— Купим значит ещё больше раскладушек! — Она была готова купить что угодно, лишь бы её дети спали не на полу. Для неё это была не проблема, а задача.

— Ну, как хотите! — Гриша пожал плечами.

— Извините, а вы где живёте? — Женщина задала этот вопрос из вежливости, пытаясь поддержать разговор. Ей было интересно, куда едет хозяин, раз он сдаёт свою квартиру.

— Я с сыном живём в больнице-роддоме! Там же я и работаю! — Гриша ответил честно. Он не стал скрывать свою ситуацию. Он произнёс это так, будто это было самым нормальным делом в мире. Для него это была правда, и он не видел смысла её приукрашивать.

— А ну то есть мы вас так сказать не вытесняем из вашей родной квартиры? — Женщина замерла, её глаза расширились от ужаса и сострадания. Она поняла, что эти парни не просто сдают квартиру, они потеряли всё. Её голос дрогнул, в нём прозвучала такая глубокая, материнская жалость, что Грише стало не по себе.

— Нет, конечно не беспокойтесь! Это была моя инициатива сдавать эту квартиру, чтобы у меня была так скажем подушка безопасности в доходе! У меня сын не очень обычный человек так скажем для его ухода требуется намного больше усилий! — Он не смотрел женщине прямо в глаза, его взгляд был сфокусирован на нейтральной точке в комнате.

— У него какой-то диагноз? — Её брови слегка сдвинулись, а поза стала более открытой и сочувствующей. В её тоне не было праздного любопытства, а лишь зарождающееся понимание того, с каким невидимым грузом живёт этот юноша, стоящий перед ней.

— Да, у моего сына ДЦП! — Его плечи оставались прямыми, но в том, как он сжал руки в карманах, читалась привычная, хроническая гиперответственность. Он не ждал жалости, он просто предоставлял информацию, необходимую для честной сделки.

— Ужас, и вы справляетесь? — Её глаза расширились, а рука непроизвольно прикрыла рот. В её голосе звучало не осуждение, а глубокое, экзистенциальное восхищение его стойкостью, смешанное с жалостью к тому, что такой тяжёлый крест нёс на себе практически ребёнок.

— Да, есть лучший друг который частенько мне помогает присматривает за моим ребёнком пока я работаю! — Это был его якорь, единственное доказательство того, что он не несёт эту ношу в абсолютном вакууме. Его пальцы расслабились в карманах. Он не стал вдаваться в детали, но сам факт наличия поддержки сделал его в глазах арендодательницы более надёжным и стабильным.

— Отлично, а вы крутой! — Женщина улыбнулась, и эта улыбка была лишена всякой снисходительности. В её тоне прозвучало настоящее, неподдельное уважение. Она увидела в нём не просто арендатора, а человека с невероятным стержнем.

— Ха, спасибо! — Гриша коротко усмехнулся, слегка опустив взгляд. Это была защитная реакция, способ сбросить неловкость от похвалы, к которой он не привык.

— Пойдёмте посмотрим комнаты! — Его голос снова обрёл деловитую чёткость. Он жестом пригласил её следовать за собой, его движения стали энергичнее. Он возвращал себе контроль над ситуацией, превращаясь из «трагического героя» обратно в хозяина квартиры.

— Да, пойдёмте посмотрим!..... Нам всё подходит, вы же не против покупки ещё нескольких раскладушек! — Многоочие в её речи выдало паузу, в которую она мысленно прикидывала, как втиснуть жизнь большой семьи в эти стены. Её вопрос про раскладушки был

не просто бытовым уточнением, а мольбой о гибкости, последней надеждой найти хоть какое-то жильё для своих детей.

— Нет, конечно! — Гриша ответил мгновенно, не колеблясь ни секунды. Ему нужны были деньги, а им — крыша над головой.

— Мам! — Голос одного из мальчиков прозвучал внезапно, пронзительно и с ноткой зарождающейся паники. Это был не каприз, а тот же специфический, высокий тембр, который медики мгновенно считывают как сигнал острой, висцеральной боли.

— Да, сынок! Что случилось Камиль? Тебя что-то беспокоит? — Мать мгновенно развернулась, её материнский инстинкт сработал быстрее мысли. Её голос стал мягким, но в нём уже звенела тревога. Она присела на корточки, чтобы оказаться с ним на одном уровне, её руки уже тянулись к его лбу, проверяя температуру.

— Да, у меня жутко разболелся живот! И голова! И кажется температура! — Камиль схватился за правый бок, его лицо исказила гримаса боли. Он описывал классическую триаду симптомов острого живота: мигрирующая боль, иррадиирующая в правую подвздошную область, сопровождающаяся системной интоксикацией (головная боль) и гипертермией.

— А у тебя Карен? — Мать мгновенно переключила внимание на второго близнеца, её глаза метались между ними, пытаясь оценить масштаб проблемы.

— Ой, больно! — Карен тоже согнулся пополам, его руки инстинктивно прижали живот. Его голос дрожал, выдавая не просто дискомфорт, а настоящую физическую муку.

— Лягте оба на кровать! Я вас осмотрю! — Гриша мгновенно перехватил инициативу. Его голос зазвучал с той же командной, не терпящей возражений интонацией, которую он перенял у своих родителей-врачей. Он не спрашивал разрешения, он отдавал медицинское распоряжение, потому что время при острой боли в животе — критический фактор.

— Я не хочу!

— Я тоже не хочу!

— Нам очень больно!!! — Закричали в один голос двойняшки Камиль и Карен. Двойняшки закричали в унисон, их протест был продиктован детским страхом перед прикосновениями и манипуляциями, когда и так всё болит. Их тела напряглись, готовые к сопротивлению, что только усугубляло мышечный спазм (дефанс) в брюшной полости, делая пальпацию ещё более болезненной и опасной.

— Так, вот кричать мне тут не надо! — Гриша повысил голос, но не до крика, а до уровня, который пробивался сквозь их панику. Его лицо стало каменным, глаза сузились. Он знал, что плач и крик увеличивают внутрибрюшное давление, делая осмотр.

— Вы врач? — Мать посмотрела на него с новой, оценивающей настороженностью. Ей нужно было понять, имеет ли этот подросток право трогать её детей, или это просто самоуправство, которое может навредить.

— Да! Я работаю конечно в больнице Санитаром и Медбратом, но так же лечу и заменяю врачей когда все заняты! — Гриша ответил чётко, не моргнув. В экстренной ситуации важна не должность, а компетенция, и он знал, что обладает ею в избытке. Его поза излучала непоколебимую уверенность, которая должна была успокоить мать и заставить её делегировать ему ответственность.

— Значит вам можно доверять как полноправному врачу! — Женщина выдохнула, её плечи опустились. Она приняла его авторитет.

— Да, например сегодня тоже очень сложная весьма очень сложная ситуация была! — Гриша бросил эту фразу как бы между прочим, но в ней звучала тяжёлая, невидимая усталость.

— Да уж, мальчики я вас прошу доверьтесь, как к вам можно обращаться? — Мать повернулась к сыновьям, её голос стал мягким, убеждающим. Она пыталась стать мостом между их страхом и необходимостью медицинского вмешательства.

— Григорий Геннадьевич! Меня так все называют в больнице, где я работаю! — Это был психологический приём: полное имя звучит весомее и авторитетнее, чем простое «Гриша», что помогало настроить детей на серьёзный лад и подавить их восприятие его как «просто парня».

— Хорошо, мальчики доверьтесь пожалуйста Григорию Геннадьевичу и он вам поможет! — Она отступила на шаг, давая ему пространство для работы, её руки нервно сжались в замок.

— Ладно, осматривайте! — Камиль неохотно разжал руки, его лицо оставалось бледным, но сопротивление сменилось вынужденным подчинением. Он смотрел на Гришу с недоверием, но и с надеждой на облегчение.

— Камиль, пожалуйста подними футболку и покажи где конкретно болит? — Гриша говорил мягко, но требовательно. Он не стал сразу трогать мальчика, дав ему время морально подготовиться.

— Ладно! Вот здесь очень больно! — Камиль ткнул пальцем в правый нижний квадрант живота. Его палец дрожал, а лицо исказилось от новой волны боли при малейшем движении.

— Когда вот так нажимаю больно? — Гриша осторожно, но уверенно надавил пальцами на указанное место. Он проверял симптом Щёткина-Блюмберга: резкая боль при быстром отнятии руки была бы верным признаком раздражения брюшины.

— ДА, очень! — Мальчик вскрикнул, его тело инстинктивно дёрнулось, пытаясь уйти от источника боли.

— А вот здесь? — Гриша сместил пальцы чуть выше и левее, проверяя иррадиацию боли и исключая другие патологии, такие как проблемы с желчным пузырём или почками, хотя картина уже складывалась однозначная.

— Очень! — Ответ был таким же резким. Картина становилась всё более угрожающей.

— А тебе Карен? — Гриша тут же переключился на второго близнеца, не теряя ни секунды.

— Так же! — Карен кивнул, его глаза были влажными от боли.

— Минуту мне надо позвонить договориться! — Гриша выпрямился, его лицо стало серьёзным и сосредоточенным. Он не стал пугать их диагнозом, но его действия говорили сами за себя: ситуация требовала немедленного вмешательства специалистов и оборудования, которого здесь не было. Он уже тянулся к телефону.

— Да, конечно! — Гриша звонит Адаму Владиковичу. Мать кивнула, её тревога достигла пика, но она видела, что Гриша контролирует ситуацию, и это давало ей крошечную надежду.

— Здравствуйте! — Голос Гриши прозвучал чётко, без лишних вступлений. Он сразу перешёл к делу, экономя время.

— Здравствуйте! Вы скоро? Нужна ваша помощь! — Он уже привык, что звонки от Гриши редко бывают простыми, но всегда важными. Его голос был настороженным.

— У меня тоже к вам просьба! — Гриша не стал сразу выкладывать проблему, он подготовил почву, давая врачу понять, что речь идёт о чём-то нестандартном, требующем его личного внимания.

— Какая же? — Он был готов к любому повороту событий.

— Я же вам говорил, что я сдаю свою трёхкомнатную квартиру? — Гриша напомнил контекст, выстраивая логическую цепочку, которая привела его к этому звонку.

— Да, говорил! Что-то случилось? — Адам Владикович насторожился.

— Да, сегодня заехала семья и у двойняшек очень сильно прихватило животы! — Гриша изложил факты сухо и по делу.

— Двойняшкам сколько лет? — он задал ключевой вопрос. Возраст пациента кардинально меняет дифференциальный диагноз и тактику действий.

— По 12 лет! — Гриша ответил, и в его голосе прозвучала тень беспокойства. 12 лет — это возраст, когда острый аппендицит может протекать атипично и быстро приводить к осложнениям.

— Давайте сделаем так, приезжайте вместе с ними к нам в больницу! Сделаете им УЗИ и тогда решим, что и какие у нас с вами будут дальнейшие действия! Операцию или просто несколько дней вы им уколы поколите и всё будет хорошо! — Адам Владикович мгновенно принял решение. Он не стал гадать по телефону. УЗИ брюшной полости было золотым стандартом для подтверждения или исключения аппендицита. Его план был чётким, логичным и безопасным: диагностика, затем лечение.

— Хорошо, спасибо! Скоро будем! — Он уже мысленно составлял план эвакуации.

— Пожалуйста! — Адам Владикович положил трубку, уже отдавая распоряжения в своём кабинете о подготовке аппарата УЗИ и возможном резервировании операционной.

— Выезжаем, я обо всём договорился! — Гриша повернулся к семье, его лицо не выражало эмоций, но его движения стали резкими и целеустремлёнными.

— Куда? — Испугались близнецы. Перспектива больницы пугала мать больше, чем неопределённость дома.

— В больницу! — Гриша ответил твёрдо. В его тоне не было места для дискуссий. Это был не совет, это был медицинский императив.

— Я НЕ ХОЧУ! — Закричал Керен, крик разрезал паузу, как хирург делает разрез для операции.

— И Я! — Камиль повторил за братом. Двойняшки закричали, их детский страх перед белыми халатами и иглами перевесил физическую боль. Они вцепились друг в друга, их тела напряглись в защитной позе.

— Объясняю для чего надо поехать! Так как у вас у обоих болят животы и если немедленно не сделать УЗИ потому, что более вероятно, что у вас у обоих воспаление аппендикса и если срочно это не выяснить и в случае чего не прооперировать то случится перитонит а вам же этого не надо? — Гриша говорил быстро, чётко и безжалостно честно. Он использовал шокотерапию, называя вещи своими именами. Слово «перитонит» прозвучало как приговор, и он знал, что это необходимо, чтобы пробить их стену отрицания.

— Хорошо-хорошо, сейчас только соберёмся! — Мать побледнела, но страх перед перитонитом оказался сильнее страха перед больницей.

— Нету времени! Если, что-то понадобится то заедите! Я думаю что вам не надо объяснять, что такое перитонит? — Гриша остановил её суету. Он знал, что каждая минута промедления увеличивает риск перфорации аппендикса.

— Нет, мы знаем, что это! — Мать кивнула, её лицо было серьёзным. Она понимала ставки.

— Поэтому, поехали! — Гриша не стал ждать, пока они полностью соберутся. Он направился к выходу, давая им понять, что поездка начинается прямо сейчас.

— Да, Григорий Геннадьевич прав! Я пойду чуть разогрею машину! Выходите только скорей! — Мать окончательно подчинилась его авторитету.

— Хорошо! — Гриша кивнул, уже спускаясь по лестнице. Его мозг уже просчитывал маршрут до больницы, учитывая пробки и время суток.

Приехали в больницу знакомый запах хлорки и спирта встретил их в приёмном покое. Для Гриши это был запах работы, для матери и детей — запах тревоги.

— И ещё раз здравствуйте! — Гриша подошёл к посту, его голос прозвучал уверенно. Он был здесь как дома, и это передавалось окружающим.

— Здравствуйте! — Адам Владикович вышел им навстречу. Его лицо было спокойным, но внимательным. Он сразу оценил состояние мальчиков: бледность, вынужденная поза, болезненность при движении.

— Вот ключи, как сделайте УЗИ мне звоните и решим, что делать! — Это был жест, который говорил: «Я контролирую ситуацию, но мне нужна ваша помощь в быту».

— Хорошо, пошли! — Гриша жестом пригласил их следовать за собой. Его шаги были быстрыми, задавая ритм всей группе.

В кабинете УЗИ

Атмосфера в кабинете была прохладной и сосредоточенной. Гудение аппарата УЗИ создавало фоновый шум, а запах специального геля был резким и медицинским. Гриша стоял рядом с кушеткой, его взгляд был прикован к монитору, где черно-белые тени обретали пугающую ясность. Он сканировал изображение, его мозг, натренированный на чтении сонограмм, мгновенно искал признаки утолщённой, несжимаемой стенки аппендикса и свободной жидкости в брюшной полости. Его челюсть была сжата: он уже знал, что покажет экран, и готовился к следующему, самому сложному этапу.

— Ну, и что показывает у Камиля!..... Ну не тяните! — В воздухе кабинета повисло электрическое напряжение. На мониторе в чёрно-белых тонах вырисовывалась классическая картина: утолщённая, несжимаемая трубчатая структура в правой подвздошной области с признаками периаппендикулярной жидкости.

— Как я и думал аппендицит! Но очень маленькое воспаление конечно, но раз так болит нужно удалить-прооперировать! — Вердикт врача прозвучал сухо и буднично, как констатация факта, не терпящего возражений. Фраза «очень маленькое воспаление» была попыткой смягчить удар, но клиническая логика Гриши мгновенно парировала это: размер инфильтрата не имеет значения, если есть острая боль и положительный симптом Щёткина-Блюмберга. Риск перфорации и развития разлитого перитонита у детей развивается молниеносно.

— Кашмар! — Кровь мгновенно отхлынула от её лица, оставив восковую бледность. Её рука судорожно метнулась ко рту, пальцы впились в собственную щёку. Слово «операция» для матери всегда является триггером первобытного ужаса, активирующим миндалевидное тело мозга и запускающим каскад стрессовых гормонов.

— Давай теперь ты Карен аккуратно ложись на кушетку! — Гриша мгновенно перехватил инициативу, его голос прозвучал как стальная, но мягкая команда, разрезающая панику матери. Он не дал ей времени на истерику, которая могла бы заразить второго ребёнка. Его движения были экономичными и уверенными: он мягко, но настойчиво направил Карена к кушетке, создавая физический и психологический барьер между испуганным мальчиком и хаосом взрослых эмоций.

— Хорошо, это же не больно будет? — Голос Карена дрогнул, выдавая ту же хрупкую, детскую уязвимость, которая прячется за попыткой быть храбрым. Его глаза, широко распахнутые от страха, искали в лице Гриши подтверждения безопасности. Он боялся не столько самого аппарата, сколько прикосновения к тому же месту, которое уже причиняло ему острую, режущую боль.

— Я постараюсь! — Гриша ответил честно, без ложных обещаний, которые дети чувствуют интуитивно. Он не стал говорить «совсем не больно», потому что давление датчика на воспалённую брюшину неизбежно вызовет дискомфорт. Вместо этого он пообещал усилие и заботу.

— Ладно! — Карен выдохнул, закрывая глаза и лёг на кушетку.

— И у тебя такая же история! Сейчас я позову ГлавВрача будем искать операционные для удаления воспаления аппендикса! — Убрав датчик УЗИ, он быстро вытер живот Карена салфеткой, его движения были экономичными и лишёнными суеты. Двусторонний аппендицит у близнецов — клиническая редкость, но симптомы были однозначными: острая боль, положительный симптом Щёткина-Блюмберга и ультразвуковая картина несжимаемого, утолщённого отростка. Гриша уже мысленно запустил протокол предоперационной подготовки: голод, доступ к вене, информированное — письменное согласие.

— Да, хорошо! — Ответ матери прозвучал как сдавленный, механический выдох. Это было полное, абсолютное делегирование ответственности. Её психика, перегруженная шоком от слов «операция» и «аппендицит», отключила способность принимать решения. Гриша

— Адам Владикович, я сделал УЗИ мальчикам, воспаление аппендикса нужно две операции! — Он не стал тратить время на вступления или извинения за беспокойство. Его лицо оставалось непроницаемым, но в напряжении его челюсти и в том, как он сжимал папку с историей болезни, читалась колоссальная внутренняя ответственность, которую он добровольно взвалил на свои плечи.

— Я попробую найти! — Голос Адама Владиковича прозвучал с ноткой тяжёлого, административного вздоха. Найти две свободные операционные одновременно, со всем персоналом и анестезиологами — это логистический кошмар для любой больницы. Но, глядя в решительные глаза Гриши, главврач понимал, что отступать некуда.

— Спасибо и как можно скорее, воспаление хоть и маленькое но боль очень острая, надо срочно оперировать, что-то не так! — Гриша настаивал, его голос стал тише, но от этого ещё более пронзительным. Его клиническая интуиция, отточенная годами наблюдений, была тревогу.

— Да, конечно! — Он доверял клиническому чутью Гриши больше, чем многим своим ординаторам.

— Спасибо! Сейчас очень постараются найти операционные! — Главврач положил трубку и повернулся к Грише, его голос прозвучал с ноткой усталого, но уверенного оптимизма. Он только что задействовал весь свой административный ресурс, и машина больницы, хоть и со скрипом, начала поворачиваться в нужную сторону.

— Спасибо! — Гриша ответил коротко. Ему не нужны были долгие разговоры. Каждое слово отнимало драгоценные секунды.

— Я делаю всё, что смогу! — Адам Владикович бросил эту фразу ему вслед. Это было не пустое утешение, а клятва профессионала. В этой фразе звучала вся тяжесть его должности и искреннее желание помочь этому необычному юноше и его подопечным.

— Здравствуйте! — В дверях кабинета или в коридоре появилась запыхавшаяся операционная медсестра или санитар. Её появление нарушило напряжённую тишину, привнеся с собой запах стерильного белья и динамику действия. Её форма была слегка помята, что выдавало спешку.

— Вы бежали? — Он заметил учащённое дыхание и блеск пота на лбу медработника. В этом вопросе не было упрёка, а лишь тихое, человеческое признание чужих усилий. Он видел, что система работает, что люди стараются ради его пациентов.

— Да, если очень поторопимся всё успеем! — Медсестра кивнула, вытирая лоб тыльной стороной ладони. В её голосе звучал тот же азарт и командный дух, который появляется в коллективе во время экстренных ситуаций.

— Отлично, сейчас привезу каталки, раздевайтесь! — Он начал отдавать чёткие инструкции, возвращая женщине чувство контроля над ситуацией через простые, понятные действия. Раздеться перед операцией — это не просто гигиеническая процедура, это психологический рубеж, переход из мира обычной жизни в мир хирургии, и Гриша делал этот переход максимально бережным.

— Да, сейчас! — Мать засуетилась, её пальцы дрожали, когда она начала убирать куртки и кофты мальчиков, и медленно помогла раздела. В её движениях читалась лихорадочная покорность. Она делала всё, что ей говорили, цепляясь за эти мелкие задачи, чтобы не дать панике поглотить её полностью.

— Всё ложитесь и укрывайтесь простынёй! — Гриша помогал мальчикам устроиться на привезённых каталках. Его руки действовали бережно, он поправлял одеяла, следя за тем, чтобы детям было тепло и удобно, несмотря на стресс.

— Спасибо вам большое! — Мать посмотрела на Гришу, и её глаза наполнились слезами, но на этот раз это были слёзы облегчения и безграничной благодарности. Она видела в нём не просто арендатора квартиры или знакомого, а ангела-хранителя, который взял на себя непосильную для неё ношу и довёл дело до конца.

— Я же обещал, вот и сдержал своё обещание как и всегда и делаю! — В этой фразе не было хвастовства, только констатация его жизненного принципа. Для него данное слово было нерушимым контрактом. Он посмотрел на мать, и в его взгляде на секунду мелькнула та же глубокая, выстраданная усталость человека, который привык быть скалой для других, но внутри его плечи чуть расслабились от осознания выполненного долга.

— Спасибо! — Мать кивнула, не в силах подобрать других слов. Она сжала руку Карена, готовясь к временной разлуке, но теперь она делала это с верой в успех, которую ей подарил Гриша.

— Григорий Геннадьевич! — Голос медсестры прозвучал срочно, возвращая его из краткого момента рефлексии обратно в рабочий ритм.

— А? — Гриша мгновенно обернулся, его лицо снова стало сосредоточенным и внимательным. Его мозг мгновенно перестроился, откладывая личные эмоции и готовясь к новой задаче.

— Помогите пожалуйста довести пациентов до операционной! — Медсестра обратилась к нему с просьбой, которая была не просто формальностью. Гриша знал этих пациентов, он знал их историю, их страхи и особенности.

— Да, сейчас бегу! — Гриша не стал задавать лишних вопросов или медлить. Он кивнул и уже делал первые быстрые шаги в сторону каталок. Его тело двигалось с той же целеустремлённой энергией, которая не знала усталости. Он был готов сопровождать их до самых дверей операционной, выполняя свою роль до самого конца.

— Спасибо! — Голос матери прозвучал как последний, отчаянный вздох перед погружением в неизвестность. Она стояла у дверей операционного блока, её руки бессильно повисли вдоль тела, а глаза, полные слёз, провожали каталки с сыновьями.

— Ага! — Гриша коротко кивнул, не останавливаясь. Его шаг был быстрым, но не суетливым, он шёл рядом с каталками, его рука лежала на борту одной из них, создавая физический контакт, который должен был дать мальчикам ощущение, что они не одни.

— Спасибо Григорий Геннадьевич, что помогли, но вам дальше нельзя! — Голос дежурной медсестры у дверей операционной прозвучал строго, но не злобно. Это был не личный запрет, а соблюдение протокола стерильности. Она преградила путь Грише, её рука мягко, но настойчиво поднялась, создавая невидимый барьер.

— Господи, чего я там не видел?! — Гриша усмехнулся, и эта усмешка была лишена всякой бравады. Это был не вызов правилам, а констатация факта: он вырос в больницах, он видел операции с пяти лет, для него стерильность операционного блока была не тайной, а привычной средой.

— Так, а откуда вы знаете, что там? — Медсестра посмотрела на него с искренним любопытством, её брови слегка приподнялись. В её тоне не было недоверия, а лишь профессиональный интерес к тому, как этот юноша, который ещё вчера казался ей просто посетителем, так уверенно ориентируется в больничной иерархии и протоколах.

— У меня родители мать Хирургом работала, А отец Анестезиологом поэтому всё до мелочей знаю! — Гриша произнёс это с той же тихой, пронзительной гордостью, которая смешана с невыносимой болью утраты. Его голос на долю секунды дрогнул, но он тут же взял себя в руки, не позволяя эмоциям прорваться наружу.

— Может когда-нибудь и станите Хирургом! — Она увидела в нём не просто подростка, а будущего коллегу, который уже сейчас обладает теми качествами, которые нельзя выучить в учебниках: хладнокровие, эмпатию и непоколебимую решимость.

— Очень может быть! — Гриша ответил с лёгкой, почти незаметной улыбкой.

— Я буду очень рад принять вас в нашу медицинскую команду! — Голос Адама Владиковича прозвучал из-за спины медсестры. Он подошёл незаметно, его лицо было серьёзным, но в глазах читалось глубокое, профессиональное уважение. Это было не просто обещание, а официальное признание: главврач видел в Грише не просто помощника, а будущего хирурга, которого он готов был взять под своё крыло.

— Предложение принимается! — В этом коротком ответе не было сомнений или раздумий — это было решение, которое он принял давно, ещё когда впервые надел белый халат отца. Его плечи расправились, в глазах мелькнул огонёк той же решимости, которая не знает компромиссов.

— Спасибо, сейчас тогда после операции ещё поговорим! У меня к вам вопрос! — Гриша тут же переключился на следующую задачу, его мозг не знал отдыха. Его тон стал деловитым, но в нём читалась та же скрытая тревога, которая выдавала, что речь пойдёт о чём-то личном.

— Какой? — Он был готов к любому повороту событий, его рука непроизвольно сжалась в кулак, готовая поддержать или защитить.

— Где я могу найти Кирилла Максимова Нейрохирурга? — Его взгляд стал острым, сфокусированным на Адаме Владиковиче, ища не просто информацию, а стратегию.

— А он то зачем вам понадобился?! — Главврач насторожился, его брови сдвинулись. Кирилл Максимов был известен не только своим профессионализмом, но и сложным, почти непредсказуемым характером.

— Другу надо помочь! — Гриша ответил кратко, но в этом коротком ответе была вся его преданность. Он не стал вдаваться в детали, не стал объяснять, что Илья — это тот же парень из наркологии, которого он уже спас от психологического краха. Для него этого было достаточно: друг в беде — значит, нужно действовать.

— Ха, Илье? — Адам Владикович усмехнулся, и в этой усмешке было понимание. Он помнил Илью, помнил его историю с трёхмесячной комой и предстоящей нейрохирургией. Он понял, что Гриша не просто выполняет врачебный долг, он защищает конкретного человека, который стал для него важным.

— Да Илье! Потому, что я считаю это неправильно брить человека налысо если у него не Рака всего лишь Киста головного мозга! Которую конечно надо удалить! — Для него бритые головы было не медицинской необходимостью, а психологической травмой, которую можно и нужно избежать. Его кулаки сжались, выдавая ту же злость на систему, которая не думает о людях.

— Я вас понял, Нейрохирурга Кирилла Максимова сможете найти в 890 кабинете! — Адам Владикович кивнул, он не стал спорить с позицией Гриши, он понял её и принял. В его тоне звучало уважение к принципиальности юноши, который не боится бросить вызов устоявшимся протоколам ради сохранения человеческого достоинства.

— Спасибо вам надеюсь получится с ним поговорить! — Он знал, что разговор с Кириллом Максимовым будет непростым, но он был готов к этому. В его тоне звучала та же тихая, выстраданная уверенность человека, который уже прошёл через множество таких разговоров и знает, как найти подход к самым сложным людям.

— Если к себе Кирилла расположить то можно с ним абсолютно обо всём договориться! — Адам Владикович дал ему ценный совет, его голос стал тише, почти заговорщическим. Он знал слабые места своего коллеги и решил поделиться этой информацией, чтобы помочь Грише.

— А, что он любит больше всего? — Гриша тут же ухватился за эту нить, его мозг уже строил тактику. Он был готов использовать любой рычаг влияния, чтобы добиться своего.

— По секрету: Кирилл просто тащится он рафаэлло в розовым кремом! Так, что если хотите его задобрить нужна коробочка рафаэлло в розовым кремом! — Адам Владикович

понижил голос до шёпота, словно сообщая государственную тайну. Его лицо озарила лёгкая, почти детская усмешка. Эта маленькая слабость грозного нейрохирурга была их общим секретом, и он доверил его Грише как знак высшего доверия.

— Ха, спасибо! — Гриша усмехнулся, и в этой усмешке было облегчение. План был готов.

— Пожалуйста, встретимся после операций! — Адам Владикович кивнул, направляясь к операционной. Ему предстояла своя битва, и он был готов к ней. В его тоне звучала та же тихая уверенность профессионала, который знает, что всё будет хорошо, потому что он сделал всё, что мог.

— Григорий Геннадьевич, а операция будет же под наркозом? И сколько она будет длиться? — Голос матери прозвучал из коридора, она догнала их, её лицо было бледным, а в глазах читался немой вопрос о безопасности её детей. Она не могла молчать, ей нужно было знать, что её сыновья будут в безопасности, что они не будут страдать.

— Да, под наркозом!1 операция длится 30—40 мин! Они не жаловались раньше на живот? — Он задал уточняющий вопрос, пытаясь понять анамнез, который мог повлиять на ход операции. Его мозг уже строил гипотезы, пытаясь понять, почему аппендицит развился одновременно у обоих близнецов.

— Нет, не припомню такого! — Мать покачала головой, её память не хранила никаких тревожных звоночков до сегодняшнего дня. Это было странно, но не невозможно: аппендицит может развиться молниеносно, особенно у детей.

— Ладно, приду через 25 мин! — Гриша проверил время на часах. Ему нужно было успеть совершить свой «набег» на кабинет нейрохирурга до того, как мальчиков вывезут из реанимации.

— Хорошо, жду! — Ей нужно было знать, что кто-то держит ситуацию под контролем, что он не исчезнет, что он вернётся. В её тоне звучала та же тихая, почти физическая благодарность человеку, который стал для неё опорой в мире, который рухнул за один день.

— Здравствуйте, нужна как можно быстрее доставка коробочка рафаэлло в розовым кремом! — Голос Гриши в телефонную трубку прозвучал с той же сухой, деловитой скороговоркой, которая не терпит возражений. Он стоял в тихом, полупустом коридоре отделения, его пальцы нервно сжимали телефон. Указание на конкретный вкус («в розовым кремом») было не просто капризом, а маниакальной точностью, продиктованной важностью миссии: он не имел права на ошибку, ведь от этой коробки зависело психологическое спокойствие его друга.

— Хорошо, ожидайте курьера через 15 мин! — Для службы доставки это был просто очередной заказ, но для Гриши эти пятнадцать минут превращались в пытку.

— Спасибо, ожидаю! — Гриша сбросил вызов и убрал телефон в карман белого халата. Он остался один на один с тишиной коридора, нарушаемой лишь далёким пискom инфузоматов и гулом вентиляции. Он начал мерить шагами пол, его дыхание было ровным, но пульс учащённым — вегетативная нервная система реагировала на ожидание так же, как на подготовку к сложному вмешательству.

Эти двадцать минут растянулись для Гриши в целую жизнь, наполненную мыслями об Илье, о двойняшках, о Нике, о которой он старался не думать, и о маленьком Алексее, который сейчас спит в их палате под присмотром Адриана.

— Здравствуйте, вот это вам! — Курьер появился внезапно, слегка запыхавшийся, с нелепой для больничных декораций картонной коробкой в руках. Его лицо выражало лёгкое недоумение: обычно такие заказы доставляют в кафе или домой, а не в стерильные стены хирургического отделения.

— Спасибо, это вам (даёт 50 руб) хорошего дня! — Его движения были отточенными, лишёнными сентиментальности. Для него это был не жест широкой души, а быстрая, логичная транзакция: услуга оказана, компенсация выдана, вопрос закрыт.

— Спасибо за чаевые, и вам хорошего дня! — Курьер кивнул и быстро ретировался, словно почувствовав давящую, напряжённую атмосферу этого места. Дверь за ним закрылась, отрезая Гришу от нормального, внешнего мира, где люди просто заказывают сладости.

— Ещё раз здравствуйте! — Гриша повернулся к посту медсестёр у операционного блока. В его голосе снова зазвучали нотки тревоги.

— Да, здравствуйте! Ещё не закончили? — Его мозг мгновенно интерпретировал её спокойствие как хороший знак: если персонал не суетится, значит, нет экстренных осложнений.

— Нет, по крайней мере никто не выходил! — Он сканировал коридор, ища глазами хирургов или анестезиологов. Пустота коридора давала ложное чувство безопасности.

Выходит Адам Владикович он был ещё в зелёном хирургическом костюме, на лице висела маска, сдвинутая на подбородок, а на лбу проступали капли пота. Его вид был усталым, но глаза оставались ясными и цепкими.

— Ну что? — Слово вылетело из груди Гриши. Это был крик человека, который слишком много потерял в своей жизни и панически боялся потерять ещё. Его голос дрогнул, выдавая ту же детскую, уязвимую надежду, которую он прятал от всего мира.

— Григорий Геннадьевич, зайдите пожалуйста! — Голос Адама Владиковича прозвучал тихо, но в нём не было той лёгкости, которую Гриша ждал.

— Что случилось? Мне надо знать! — Паника прорвала броню. Гриша шагнул вперёд, его голос сорвался на почти крик. Он не мог ждать, не мог выносить эту неопределённость. Его мозг лихорадочно перебирал сценарии: кровотечение, анафилактический шок, остановка сердца на столе.

— Не беспокойтесь, Григорий Геннадьевич, пойдёте сейчас сами всё увидите! — Адам Владикович мгновенно считал его состояние. Он поднял руку в успокаивающем жесте, его голос стал мягче, обретая ту же отеческую, врачебную интонацию, которая способна купировать паническую атаку. Он видел, как побледнел парень, и спешил убрать этот триггер, пока тот не навредил самому Грише.

— Да, конечно идёте! Дверь закройте, и говорим, что случилось? Не приходит в себя? — Если они живы и операция закончена, то почему закрытая дверь? Его клиническое мышление, заточенное на поиск худшего, мгновенно выдало самый логичный и пугающий вариант: проблема с выходом из наркоза, угнетение дыхательного центра, отёк мозга.

— Нет, мы всё закончили, вы только посмотрите на его давление! — Адам Владикович указал на монитор в углу комнаты.

— Низкое! А ой а теперь высокое! — Гриша впился взглядом в экран. Цифры артериального давления метались, как в лихорадке: 90/60, затем резкий скачок до 150/90. Его мозг мгновенно включился в работу, отбросив эмоции. Это была лабильность артериального давления, вазомоторная нестабильность. Он посмотрел на кривую на мониторе, его пальцы непроизвольно повторили ритм скачков в воздухе. Он больше не был испуганным другом или приёмным отцом — он был врачом, который видит патологию и уже ищет путь её купирования.

— Ну и вот так уже 5 мин! — Голос анестезиолога сорвался на высокий, напряжённый регистр, выдавая колоссальный выброс адреналина. Его глаза лихорадочно метались между мониторами, а erratic (неровный) писк ЭКГ создавал удушающий акустический фон в стерильной палате пробуждения.

— Адреналин* быстрее, внутривенно по чуть-чуть, по моей команде! — Команда Гриши рассекла панику, как скальпель. Его голос упал на октаву, приобретая резонирующий, непоколебимый тембр старшего реаниматолога. Клинически он инициировал титрование эпинефрина для купирования послеоперационной вазоплегии. Требуя микродозы («по чуть-чуть»), он предотвращал опасную тахикардию и аритмии, которые болюсное введение могло вызвать в хрупкой сердечно-сосудистой системе ребёнка.

— Хорошо! Давайте попробуем! — Анестезиолог резко выдохнул, его вегетативная нервная система ухватила за абсолютную уверенность Гриши, как за спасательный круг. Шуршание перчаток и звон стеклянных ампул заполнили краткую тишину. Его подчинение было не просто профессиональным послушанием; это была психологическая капитуляция перед авторитетом Гриши, когда он готовил шприц, его руки перестали дрожать, принимая роль исполнителя тактического приказа.

— Ага, чуть водите, потихоньку! — Взгляд Гриши был прикован к цифровой кривой инвазивного артериального давления. Он отслеживал волну систолического давления, корректируя подачу вазоактивного препарата с точностью до миллисекунды. Его собственный пульс оставался ровным — разительный контраст хаотичной обстановке. Сенсорный фокус комнаты сузился до ритмичного бип-бип-бип монитора и микроскопического движения поршня шприца.

— О, получается! Молодцы! — Резкие, рваные сигналы тревоги на мониторах выровнялись в устойчивый, успокаивающий ритм. Давление стабилизировалось. Плечи Гриши, застывшие в экстремальной позе.

— Не говорите под руку пожалуйста! — Тон Гриши стал ледяным, лишившимся всякой коллежской теплоты. Он не грубил; он устанавливал жёсткую когнитивную границу для защиты пациентов. Его челюсть сжалась, жевательные мышцы слегка вздулись.

— Извините! — Анестезиолог инстинктивно отшатнулся, его голосовые связки сомкнулись в рефлекторном испуге. Он сделал буквально полшага назад, распознав выговор не как личное оскорбление, а как необходимую коррекцию в среде высоких ставок. Его дыхание замедлилось.

— Всё теперь всё хорошо! Переводите обоих в палату! — Команда перевести пациентов была официальным закрытием фазы острого кризиса. Его голос, всё ещё властный, потерял металлический оттенок, сменившись глубоким, резонирующим тоном успешной завершённой работы.

— Хорошо, спасибо, я поражаюсь вашим знаниям! — В голосе анестезиолога звучало неподдельное, лишённое лести изумление. Он слегка покачал головой, словно пытаясь физически стряхнуть своё неверие в клиническую компетентность, которую только что наблюдал.

— Пожалуйста! — Его мозг уже переключал передачи, переходя от немедленного физиологического выживания близнецов к следующему логистическому барьеру: обеспечению психологического благополучия Ильи.

— Ха, вы рафаэлло в розовом кремоне купили? — Взгляд анестезиолога зацепился за характерную розово-белую коробку, выглядывающую из сумки Гриши. Его тон сменился с медицинского благоговения на праздное, почти заговорщическое любопытство.

— Ага, мне очень надо с ним договориться! — Для Гриши это была не сладость; это был тактический инструмент, психологический ключ к разблокировке эмпатии нейрохирурга.

— Да, вижу для вас это очень важно! — Анестезиолог медленно кивнул, его лицо смягчилось от понимания. Он признал, что для Гриши эта коробка конфет была так же критична, как адреналин, который он только что ввёл.

Глава 86. Разговор нейрохирурга и Гриши

— Здравствуйте можно? — Гриша стоял в дверном проёме кабинета 890, его осанка была идеально прямой — физическое проявление той ментальной брони, которую он надел для этих переговоров. Его голос был вежливым, но нёс в себе скрытый ток непоколебимой цели. Он не шагнул внутрь, пока его не пригласили, уважая территориальные границы старшего хирурга, но его присутствие заполняло проём, требуя внимания.

— Да, можно проходите! А я вас знаю вы Григорий Геннадиевич, правильно? — Кирилл Максимов поднял взгляд из-за стола, его глаза слегка сузились, оценивая вторжение. Его голос был глубоким, резонирующим баритоном, типичным для человека, привыкшего командовать в операционных.

— Да, правильно! И кстати это вам! — Гриша шагнул вперёд, его движения были плавными и уверенными. Он поставил характерную розово-белую коробку на край стола с мягким, преднамеренным стуком.

— Приятно познакомиться! Я Кирилл Максимов! О это мне? — Его глаза метнулись к коробке, и едва заметное, почти неуловимое смягчение произошло в уголках его глаз. Физиологическая реакция на любимое лакомство была непроизвольной; его зрачки слегка расширились, а напряжение в жевательных мышцах расслабилось.

— Да, это вам и мне очень приятно познакомиться! — Ответ Гриши был безупречно вежливым, но его тон оставался строго деловым. Он был здесь не для того, чтобы заводить друзей; он был здесь, чтобы выполнить миссию. Любезности были лишь смазкой для трудного разговора, который предстоял.

— По какому вопросу вы ко мне обращаетесь? И откуда вы о моей слабости узнали? — Кирилл отложил коробку в сторону, его поведение мгновенно переключилось обратно в режим главного нейрохирурга. Теплота исчезла, сменившись острым, клиническим фокусом. Его голос стал чётким, требуя эффективности.

— Я можно сказать по просьбе Ильи которого в скором времени к вам в отделение переведут, а точнее именно в Нейрохирургию! Тайну не выдам где узнал! — Он доставил свой ответ со спокойной, почти загадочной улыбкой.

— Так, я понял, и в чем у него проблема? — Кирилл откинулся на спинку кресла, сложив пальцы домиком. Его мозг мгновенно начал извлекать из памяти историю болезни пациента, МРТ-снимки, неврологический дефицит. Личная динамика была временно приостановлена, когда врач взял верх. Его голос теперь был чисто профессиональным, ищущим суть медицинской проблемы.

— У меня вопрос, зачем Илью брить налысо? — Гриша сбросил бомбу. Его голос был ровным, но вопрос повис в воздухе, тяжёлый и разрушительный. Он не спрашивал об опухоли, о хирургическом доступе или о рисках; он оспаривал священный, не подлежащий сомнению ритуал нейрохирургии. Его глаза были прикованы к Кириллу, ища любой признак догматической ригидности.

— Ах, вы по этому вопросу? Конкретно в его ситуации прям налысо брить не обязательно! — Кирилл моргнул, явно застигнутый врасплох. Он ожидал вопросов о показателях выживаемости или технических деталях краниотомии, но не об эстетике. Однако, как опытный хирург, его мозг мгновенно произвёл анатомические расчёты для конкретного расположения кисты Ильи. Его признание было редкой уступкой.

— Ну, а зачем тогда мучить пацана? — Гриша развил преимущество. Для подростка потеря всех волос — это не просто косметическая проблема; это глубокая психологическая травма, изменяющая его идентичность и социальную адаптацию. Голос Гриши слегка смягчился, выдавая глубокую, защитную любовь, которую он питал к Илье.

— Рассказываю, если не брить налысо, то где будет шов там больше никогда не вырастут волосы! — Кирилл вздохнул — долгий, усталый выдох, говорящий о годах объяснений бесчисленным пациентам. Он наклонился вперёд, его руки легли на стол. Он объяснял физиологическую реальность рубцовой алопеции: разрушение волосяных фолликулов в дерме во время разреза и ушивания.

— Так это намного, намного лучше чем как минимум на год распрощаться с своими волосами! — Гриша не потерял ни секунды. Его контраргумент был быстрым и жестоко логичным. Он проводил анализ затрат и выгод: локализованное пятно лысины против тотальной алопеции. Для 15-летнего парня психологическое бремя быть полностью лысым в течение года огромно.

— Да? — Кирилл замер.

— Да, если вдруг это не очевидно! — Вспышка сухого, почти саркастичного остроумия пересекла лицо Гриши. Это был рискованный ход с главным хирургом, но он сработал. Это разрушило последние остатки формального напряжения, опуская разговор на человеческий уровень.

— Ну, ладно хорошо, не будем брить всё! — Кирилл рассмеялся — глубоким, утробным звуком, который удивил даже его самого. Жёсткая иерархия больницы растаяла в этом маленьком кабинете.

— А сколько? — Гриша не дал ему соскочить так легко. Ему нужны были конкретные детали. Расплывчатые обещания в хирургии часто приводят к недопониманию. Его голос был резким, требуя точности.

— Будем брить значит 1/4 — Кирилл предложил стандартный компромисс. Четверть скальпа — это значительный объём, часто используемый для больших краниотомий, чтобы обеспечить широкое, стерильное поле и адекватную экспозицию. Это было щедрое предложение по хирургическим стандартам, но для Гриши это всё равно было слишком много.

— Не подойдёт! — Отказ Гриши был мгновенным и абсолютным. Не было ни колебаний, ни вежливых смягчений. Фраза «Не подойдёт» была доставлена с окончательностью скальпеля, разрезающего ткань. Он чертил жёсткую линию на песке.

— В смысле? — Брови Кирилла взлетели вверх. Он не привык, чтобы ему так прямо возражали, особенно подросток.

— Вы же не будете резать всю 1/4 часть головы, даже если это длинный шов будет! — Гриша развернул свои анатомические знания как оружие. Он понимал геометрию лоскута при краниотомии. Разрез — это линия, а не широкая поверхность. Голос Гриши был ровным, пронизанным тихой, неоспоримой логикой.

— И, что вы предлагаете? — Он обращался с Гришей как с коллегой, как с равным в операционной. Его голос был низким, приглашая парня изложить своё техническое решение. Динамика власти полностью сместилась; ученик теперь учил мастера.

— Так как обычная электрическая бритва берёт слишком большой диапазон своей работы! Вначале надо определить место, потом отрезать волосы в этом самом месте, и потом аккуратно обычным станком сбрить остатки волос где они были отрезаны! Когда переводите Илью в Нейрохирургию? — Он понимал механику инструментов: электрические машинки захватывают слишком широкую область, вызывая ненужную травму и сбривая здоровые фолликулы. Адвокатизируя сначала ножницы, затем ручную бритву, он минимизировал хирургическое поле до абсолютного минимума, необходимого для стерильности. Его голос был быстрым, точным, гудящим от волнения решённой проблемы.

— Завтра в 10 утра! — Кирилл не колебался. Клиническая логика была обоснованной, психологическая выгода огромна, и мальчик заработал его уважение. Время было установлено. Голос Кирилла был твёрдым, закрывая переговоры с окончательностью подписанного информированного согласия.

— Хорошо, я прослежу! А то после этого Илья попадёт не в Наркологию, а уже в Психиатрию потому, что уже сойдёт с ума! — Это было психологическое усиление его аргумента, напоминание о том, что психическое здоровье подростка не менее важно, чем физическое. Его голос стал чуть мягче, в нём появилась та же тёплая, почти отеческая забота об Илье, которую он тщательно скрывал за маской профессионализма.

— Да, если вам это так важно то хорошо! — Кирилл Максимов кивнул, его тон был спокойным, но в нём читалось глубокое уважение к настойчивости этого молодого человека. Он понял, что для Гриши это не просто каприз, а вопрос достоинства и психологического выживания пациента. — Заодно расскажите и покажите как вы это представляете! — Чтобы убедиться в его клинической обоснованности. Это был редкий момент в иерархии больницы, когда старший хирург обращался к подростку как к равному коллеге, чьё мнение имело вес.

— Хорошо! — Гриша кивнул, его глаза загорелись тем же огнём, который появляется, когда человек увлечён решением задачи. Он уже мысленно репетировал этот разговор с ординаторами и медсёстрами, которые будут готовить Илью к операции. Его мозг, заточенный на медицинские протоколы, мгновенно выстроил чёткий алгоритм: разметка хирургического поля маркером, работа ножницами по контуру, финальная обработка одноразовым станком.

— Тогда до завтра! — Это был жест равного, знак того, что переговоры завершены успешно и обе стороны удовлетворены результатом. Его голос прозвучал с той же тёплой ноткой, которая появляется, когда врач чувствует, что имеет дело с будущим коллегой, а не просто с назойливым посетителем.

— До завтра, сейчас позвоню Илье обрадую его! — Его пальцы уже тянулись к телефону, его мозг переключался из режима переговоров в режим эмоциональной поддержки друга. Он не мог дождаться, чтобы увидеть, как изменится лицо Ильи, когда тот услышит эту новость.

— Хорошо! — Кирилл кивнул, его улыбка стала шире. Он понимал, как важна эта новость для подростка, и ценил, что Гриша не откладывает разговор ни на минуту. В его тоне звучало тихое одобрение: ты делаешь всё правильно.

— До свидания и до встречи! — Гриша произнёс это с лёгким поклоном, его движения были плавными, уверенными. Он выходил из кабинета не как проситель, а как партнёр, который только что решил важную задачу. Его плечи были расправлены, дыхание ровным — физическое проявление того облегчения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.